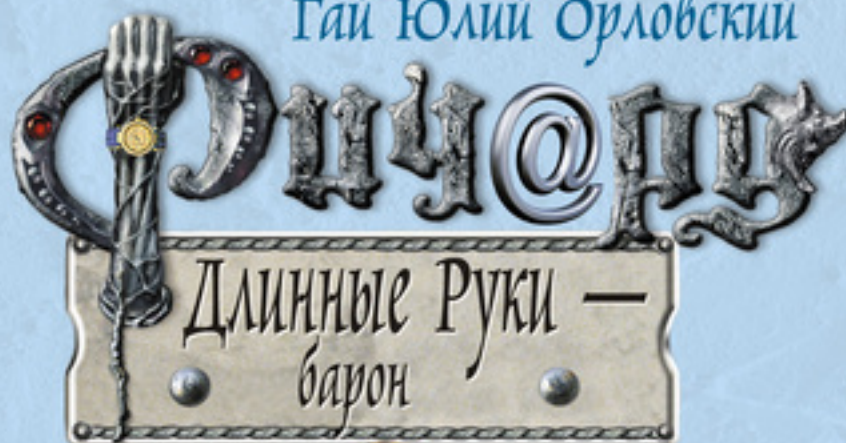

Гай Юлий Орловский

Зачарованные клинки рыцарские мечей, козни призрачных монахов и злобные планы могучих магов — все возводит преграды на пути отважных искателей к заветному Югу.

Но когда в ножнах волшебный меч, под седлом — волшебный конь, а на плече — волшебный молот, кто остановит благородного сражающегося на пути к цели?

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – барон

«ЭКСМО»

2005

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – барон / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2005 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 5-699-11198-0

Зачарованные клинки рыцарских мечей, козни призрачных монахов и зловещие планы могучих магов – все возводит преграды на пути отважных искателей к загадочному Югу. Но когда в ножнах волшебный меч, под седлом – волшебный конь, а на поясе волшебный молот, кто остановит благородного сэра Ричарда на пути к цели?

ISBN 5-699-11198-0

© Орловский Г. Ю., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	52
Глава 9	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Гай Юлий Орловский Ричард Длинные Руки – барон

1. Не имей других богов.
2. Не служи другим богам.
3. Не изображай бога.
4. Соблюдай субботу.
5. Уважай родителей.
6. Не убий.
7. Не кради.
8. Не желай дома ближнего.
9. Не желай жены ближнего.
10. Не лжесвидетельствуй.

Заповеди библейские
(Исход 20 и 34, Второзаконие 5)

Баллады о Ричарде Длинные Руки

Часть I

Глава 1

Большая группа молодых дворян в полных рыцарских доспехах, но без шпор и с непокрытыми головами, прямо на турнирном поле преклонила колени перед Барбароссой. Король медленно двигался вдоль ряда и ударял каждого мечом плашмя по плечу. За королем следовал гордый оказанной честью сэр Смит, надевал посвящаемому в рыцари шлем и золотые шпоры, принимал из рук оруженосца меч и передавал королю, а тот лично вручал счастливцу. Затем сэр Смит величественно подавал щит с изображением герба и девиза. После этого должна следовать торжественная клятва верности королю и следованию кодексу чести, но процедуру с моей подсказки упростили: все сорок рыцарей произносят ее вместе, так получилось еще красивее и торжественнее.

Простой люд, что уцелел после альбигойской резни, с энтузиазмом грузит на подводы последние трупы. Карманы уже набиты, с погибших содрали даже исподнее, ведь альбигойцы вырезали начисто всю знать, собравшуюся на трибунах.

Сейчас народ наблюдает за посвящением в рыцари, когда такое еще увидишь. Выбравшись из толпы, я свистнул, подождал и свистнул громче. Раздался конский топот: громадный черный конь несется в мою сторону, слегка наклонившись и красиво выбрасывая ноги вбок, а рядом гигантскими прыжками мчится огромный пес, тоже черный, с красными, как горящие угли, глазами.

Народ шарахнулся с криками ужаса: мой конь и Пес кого угодно озаичат, но когда оба остановились, а Пес еще и лапу подал, женщины успокоились, а мужчины начали присматриваться к коню и псу завистливыми очами. Я взобрался в седло, Пес прыгал и хватал огромной пастью за сапог, мол, турнир закончился, уцелевшие гости из других городов и королевств покидают Каталаун и окрестности, пора и нам из этого скучного места.

Слуги собирают и укладывают на повозки шатры, уцелевшие рыцари после резни, что войдет в анналы под названием «каталаунской», взбираются в седла. Скоро здесь все опустеет, а на впитавшейся в землю крови взойдут дивные нежные цветы, над которыми будут нагибаться девушки.

Со стороны дороги донесся радостный вопль. Там свернул в мою сторону и несется во всю прыть на толстом, как бочонок, муле брат Кадфаэль. Капюшон под напором ветра сбросило на плечи, светлые волосы растрепались, а небесные глаза киллера светятся, как драгоценные камни под лунным светом.

– Брат паладин! – вскричал он ликуяще. – Я уж страшился, что уеду, не попрощавшись с тобой!

– А что, – спросил я, – уже закончили свои дискуссии с собратьями из аббатства Святого Доминика?

Он помотал головой.

– Дискуссии нескончаемы. А мне надо на Юг, дабы нести заблудшим истинную веру. Я отдохнул, братья собрали в дорогу постной пищи и бурдюк вина, а в остальном положусь на милость Господа.

Он сиял, как юбилейный рубль, только что выскочивший из печатного станка.

– Какой дорогой камо грядеши? – спросил я. – В смысле, quo wadis?

– По Трапезундской, – ответил он. – До города Тралболта, потом до Бергана, а затем... затем никто не знает. Известно только, что впереди горный хребет, а по ту сторону уже владения Тьмы. Если только миновать степных варваров...

Он протянул ко мне руки, я наклонился с коня, мы крепко обнялись. От Кадфаэля пахнет книгами и чернилами, руки тонкие, я вспомнил, в каком виде он был, когда я увидел в первый раз, в груди защемило.

– Бог в помощь, – сказал я с чувством. – Не грядеши на рожон! Будь мудрым, аки змий. Из мертвого хреновый проповедник.

Он светло улыбнулся.

– Не всегда, дорогой брат паладин.

Я всмотрелся в его чистую улыбку, на лице ребенка глаза просветленного мудреца.

– Ну... да... это ты круто мне вломил, не ожидал. Но все-таки береги себя.

Он лучисто улыбнулся, в глазах неземной свет, на губах улыбка невинного младенца.

– Прощай, брат паладин!

Мул развернулся, повинувшись поводу, застучали копыта. Я смотрел на уменьшающуюся фигурку Кадфаэля, вздохнул. Почему-то появилось предчувствие, что в следующий раз увижу снова на кресте.

Все нормальные избегают неприятностей, а ненормальные сами на них нарываются. Да и еще и весь мир подставляют.

Я ехал к своей гостинице, когда за спиной громко и требовательно простучали копыта. Послышались лязг и звяканье железа, безошибочный признак настигающего меня тяжелого рыцаря.

– Сэр Ричард, – прокричал запыхавшийся голос, – прошу минутку внимания.

Я натянул поводья, между мной и Псом опасно остановил накрытого цветной попоной в крупную клетку коня рыцарь в полных доспехах. Забрало поднято, я увидел молодое лицо и сияющие глаза одного из тех, кого сегодня посвятили в рыцари.

– Что стряслось? – спросил я мирно.

– Его Величество желает сказать вам несколько слов, – сообщил рыцарь. Всем своим видом он старался, пусть неуклюже, выразить глубочайшее почтение. Король мог позвать, что много проще, и хотя я не его подданный, но пришел бы, Барбаросса старше меня больше чем вдвое. – Он сейчас заканчивает разговор...

Послышался стук копыт, Барбаросса подъехал на соответствующем его рангу огромном белом жеребце, жестом велел рыцарю вернуться к остальным. Я почтительно ждал, теперь король не прежний изгнанник, вполне может выказать крутость, а он остановил коня напротив моего, так что смотрим глаза в глаза.

Пес приветливо махнул ему пару раз хвостом, все-таки почти приятель, вместе прятались в лесу, пока я бил по рыцарским головам на турнире.

– Сэр Ричард, – сказал Барбаросса серьезно, – как бы вы ни валяли дурака и ни задирались, но я вижу ваш сильный и ясный ум...

Он остановился на миг, чтобы посмотреть, как я среагирую. Я вежливо поклонился.

– Мой дедушка предостерегал, что никто так не восхищается вашим умом, как тот, кто собирается одурачить.

Он грозно сдвинул брови на переносице, но сдержал приступ державного гнева – я не подданный, спросил свирепо, стараясь свести к шутке:

– А что сказала бабушка?

– Что бесплатный сыр только в мышеловке, – ответил я невозмутимо. – И только для второй мыши.

Массивные челюсти сжались, я видел, с каким усилием он удержался, чтобы не выругаться, не показать, что я раскусил правителя, считающего себя мудрым и видящим всех насквозь.

– Знаете, сэра Ричард... вы первый из всех, кто не старается понравиться. Вы как будто делаете все, чтобы не допустить... ну, потепления, что ли.

– Ах, Ваше Величество, – ответил я скромно, – это я так изо всех сил борюсь с невероятным чувством любви и почтения к такому великолепнейшему Его Величеству!

Он вздохнул, я упорно не желаю называть его по имени, хотя он даровал мне это право, как и не вставать в его присутствии, не снимать шляпу и ковыряться в зубах во время праздничных пиров.

– Может быть, – спросил он грубо, я видел, как для гордого и властного короля мучительно кого-то о чем-то просить, – все-таки останешься? Это я так, насчет виконта... Понятно же, кто будет моей правой рукой!

Я покачал головой.

– До Юга рукой подать.

– Да ты там и дня не проживешь, паладин хренов. На югах вообще церковников истребили!

– Я вроде бы не священник, – напомнил я, тут же повернул на другую тему: – А здорово с этим обновлением рядов? Альбигойцы так основательно зачистили старые кадры, что... не пустить ли слушок, что это вы сами подтолкнули их на такой шаг?

Он криво усмехнулся.

– Подняв до небес мой государственный замысел, ты уронишь мою честь. А в рыцарском мире достойнее быть благородным и честным, чем самым предусмотрительным и хитрым политиком. Конечно, эти новые сорок рыцарей, как ты грубо намекнул, будут мне верны до гроба. Я им раздаю замки и поместья погибших... хотя уместнее было бы называть их казненными, но альбигойцы, как ты верно сказал, сделали за нас всю грязную работу. Мое королевство сейчас стабильное, как никогда! Подумай об этом и... возвращайся. Помни, у тебя здесь замок, земли.

Во дворе гостиницы почти пусто, многие уже уехали, другие повозки явно брошены, хозяин со своей челядью торопливо осматривают, оценивают неожиданное пополнение имущества. Я оставил Зайчика у коновязи, бегом избежал на свой этаж, толкнул дверь, но Пес ухитрился вбежать в комнату первым, он же бодигард, ему положено.

Фрида вздрогнула при моем появлении, она сидела на огромной постели такая маленькая и потерянная, что какая там ведьма – испуганный ребенок. Вскинула на меня трепещущий взгляд, я подхватил ее на руки, крепко поцеловал в губы и сказал наигранно бодро:

– Возвращайся в Амальфи.

– А что делать там, господин?

– Ждите, – велел я. – А мне надо малость проехать к Югу и обратно.

Она переспросила испуганно:

– На Юг, господин?

– На Юг, – подтвердил я. – Фрида, ты всерьез думаешь, что я вот так возьму и брошу наш прекрасный Амальфи?.. И все-все, что там есть?.. Я вернусь, Фрида. Рыцари пусть защищают замок, ты руководи слугами. Я вернусь, проверю!

Она жалобно вздохнула:

– Ох, боюсь я, господин...

– Твоя метла на месте? Впрочем, прутья можно нарезать из любого подручного материала, верно? Отправляйся сегодня же!

Она печально вздохнула, поднялась с постели, ее макушка как раз на уровне моих губ. Я отечески чмокнул ее в россыпь роскошных рыжих волос.

– Мне идти сейчас? – спросила она жалобно.

– Да, – ответил я твердо. – Мне будет спокойнее, если ты покинешь Каталаун раньше меня.

Она вздохнула еще печальнее, ее пальцы коснулись холки Пса, он радостно помахал ей хвостом и даже лизнул в руку. Я проводил ведьмочку до двери и закрыл дверь. Когда повернулся и начал осматривать комнату, что же взять в первую очередь, ну, к примеру, теплое одеяло, не привык спать на голой земле, вдруг за спиной вспыхнул предельно чистый свет. Сердце стукнуло радостно, я спросил себя: почему так радуюсь появлению Тертуллиана, и не смог ответить.

Он завис сперва в воздухе, весь из плазменного огня, но, когда опустился и подошвы сандалий коснулись пола, выглядел почти человеком. Только в глазницах плещется море первозданного света, да когда открыл рот, там такой же огонь звездных глубин.

– Почему, – спросил он с удивлением, – ты не взял первый приз?

Я ответил почти весело:

– Судьи назвали сильнейшего.

– Это не ответ, – возразил Тертуллиан, – я же видел, кто сильнее! Я в свое время поучаствовал в боях, знаю...

– Неужто и святые такое смотрят? – удивился я.

Он отмахнулся.

– Это, конечно, не бои гладиаторов, когда... словом, эти зрелища тоже иногда смотреть поучительно. Я, правда, видел только последний день. Нет, не гладиаторов, те бои я и сам устраивал. А в этом турнире многое странно...

Я фыркнул.

– А то, что Каталаунскую Деву собирались выломать из стены? Уже и обоз приготовили, чтобы увезти. Корабль, правда, захватить не удалось... Ладно, проехали. Твой основной противник обещал мне помочь в последней схватке. Он знает, что я хочу на Юг, вот и пообещал...

Он смотрел внимательно.

– Да, соблазн был велик...

– Ты даже не представляешь, – огрызнулся я, – насколько! Вообще-то я мог бы вернуться на турнирное поле и помахать мечом еще и еще... Там без всякой помощи Сатаны делов было на пару ударов. Но, а вдруг в самом бы деле он бы помог?

После долгого молчания он спросил в упор:

– Но все-таки едешь? Думаю, придумал способ, как пройти все заставы и заслоны на кордонах?

– Представь себе, – огрызнулся я. – Но это придумал я сам! Без помощи хоть Сатаны, хоть толпы святых. Я сам, своей волей, хитростью, вероломством... назови, как хочешь, но я поеду на Юг. И разузнаю, что у них там творится, почему о нем говорят с таким ужасом.

– Не все, – проронил он невесело.

– Да, – подтвердил я. – Кто-то говорит с восторгом!

По комнате качался яркий плазменный свет, Тертуллиан в задумчивости расхаживал взад-вперед, нимало не смущаясь, что его ноги то переступают по воздуху, то погружаются по щиколотку в пол.

– Даже не представляешь, что тебя там ждет... Увы, я тоже не представляю. Но, боюсь, даже сил паладина может не хватить. Не везде же сталкиваться с простыми крестьянами!

Я спросил язвительно:

– А здесь я дрался только с простыми крестьянами?

Он отмахнулся:

– На известном уровне что короли, что крестьяне.

Я невесело улыбнулся.

– Тертуллиан... Давай расскажу, как в моем королевстве дьявол явился к одному и предложил за душу кучу денег, шикарный дом и прекрасное здоровье. Дал бланк договора, где уже расписаны все пункты. Мой соотечественник, о которых ты такого высокого мнения, попросил дать часок на обдумывание. Через час дьявол пришел снова, смотрит: сидит наш над договором, бледный, глаза красные, лоб в морщинах и бормочет: «Так, он дает за душу кучу денег, шикарный дом, прекрасное здоровье... Все верно, ну-ка еще раз по всем пунктам: за душу дает кучу денег, шикарный дом, прекрасное здоровье... Ну где же, где подвох, где?»

Тертуллиан некоторое время смотрел пристально, я уж боялся, что не поймет, но вдруг губы раздвинулись в улыбке, а глаза, напротив, погрустнели.

– Вот каков твой мир... Даже не знаю, плакать или смеяться. Тогда, наверное, ты не сгинешь на Юге... сразу.

– Я буду осторожен, – пообещал я.

– Верю, – ответил он с некоторым сомнением. – Странно, в тебе на удивление мало дурости. Много скрытого рыцарства, ты как будто его стыдишься, но в то же время рыцарской дури мало... Ладно, на прощание мой тебе совет: прими благословение церкви. В чем-то из-за него станешь чуть более скован... вернее, ограничен в действиях, однако в компенсацию получишь могучую поддержку.

Я замотал головой так энергично, что уши захлопали по щекам, как у спаниеля.

– Ни за что! Прости, но я из тех... стран, где пуще всего страшатся ущемления свобод. Даже самых мизерных. Из-за таких мелочей, как непонятные тебе ограничения прав, рушились правительства, режимы, начинались восстания, вторжения иностранных войск, бомбежка... Ну, это когда с летающих драконов камнями вбивают в землю целые города.

Он взглянул на потолок, на плазменное лицо набежала легкая тень. Это выглядело так, как если бы поверхность Солнца с шести с половиной миллионов градусов упала всего до шести.

– Прости, меня зовут... Я ухожу, но... Эх, придется держать ответ, но не могу вот так на растерзание... Прими благословение от меня лично... и, Дик, пожалуйста, не подведи!

В комнате резко потемнело, я стал чувствовать гнилостные запахи, которые раньше не замечал, со двора доносились гнусавые голоса. И еще из пустоты донесся затихающий голос:

– Церковь знает, что такое ограничение прав...

Я оставил мешок, напряг и распустил мышцы, картинно прошелся по комнате. Вроде бы все те же ощущения, «могучую поддержку» пока не чувствую. Хотя это может быть просто некая защита от ветрянки или гриппа. Все будут во время эпидемии сопливыми, а я благодаря церкви смогу гордиться сухим носом.

Глава 2

Я щедро расплатился с хозяином постоялого двора, он смотрел на меня с такой почтительностью, какой не удостоил бы самого короля: не всяк решится провести ночь там, куда я напросился по своей воле на все время турнира.

– Прекрасное место, – сказал я с чувством. – Буду рекомендовать. Моему Псу тоже очень понравилось, он тоже будет рекомендовать. А тех, кто приедет именно от моего имени... можешь поселять в той же комнате. Правда, не думаю, что таких будет много.

Он почтительно поклонился.

– Сэр Ричард... У меня нет слов.

Я снова сыпанул ему в ладонь золотых монет, я могу себе позволить быть щедрее короля, улыбнулся и пустил Зайчика к воротам. На улицах масса праздничного народа, словно кого-то из знатных везут на казнь и на городской площади будет великолепное зрелище, везде музыка и песни, кто-то пляшет. Многие успели под шумок пограбить богатые дома павших в альбигойской резне, теперь спешно пропивают. Мой конь, как бык среди овец, проталкивался по узкой улочке, наконец выбрались на городскую площадь.

И почти сразу со стороны королевского дворца в нашу сторону понеслись трое конных на роскошно убранных конях. Пес, что бежал рядом с Зайчиком, приотстал, всадники тут же придержали коней, один прокричал поспешно:

– Доблестный сэр Ричард! Сэр Маршалл настоятельно просит вас заглянуть к нему перед отъездом!

– Я уже отъехал, – сообщил я и указал на объемистый мешок за седлом.

Он взмолился:

– Сэр Ричард! Это мое первое поручение при дворе! Если не справлюсь, меня просто попрут в шею...

Я всмотрелся в чистое честное лицо, румяное и без всякой аристократичной бледности, глаза деревенского парня, что привык заниматься тяжелым крестьянским трудом. Он смотрел на меня умоляюще, в то время как на лицах его более старших и явно более опытных спутников сложная смесь аристократической надменности и брезгливой необходимости подчиняться этому юнцу.

– Новый набор? – полюбопытствовал я. – Сэр Маршалл принял предложение Барбароссы стать при нем сенешалем?... Ладно, но только ненадолго. Я не подданный короля, вы это, ребята, не забывайте.

Он закивал усердно, я повернул коня к ступенькам королевского дворца. Зайчика я оставил на входе, предупредив, чтобы к нему не приближались и не трогали, его сторожит мой Пес. Через пять минут меня ввели в роскошный кабинет. Сэр Маршалл, легендарный турнирный боец прошлого поколения, а ныне стареющий лев, сидел за огромным столом, заваленным бумагами, и раздраженно что-то искал. При моем появлении поднялся навстречу, пожал руку, что весьма непривычный жест между особами такого ранга. Двигался он, как всегда, властно и величественно, но я чувствовал внутреннее напряжение, старался догадаться, что понадобилось от меня. Наконец Маршалл указал мне на кресло, выждал, пока я подошел и остановился, не решаясь сесть. Он опустился на диван, я тоже сел, но на самый краешек, мол, я весь внимание и почтительность, и вместе с тем намек, что не рассчитываю на обед, у меня дела, предпочел бы уйти пораньше.

– Сэр Ричард, – проговорил он в некотором затруднении, – должен вас поздравить с блестяще проведенной операцией...

Я отмахнулся.

– Нас просто несло по течению. Едва успевали грести...

– Нет, – возразил он, – вы показали себя не только сильнейшим бойцом... которого, кстати, даже не заинтересовал главный приз, но и мудрым стратегом. А сейчас, как я услышал от Его Величества, вы отправляетесь на Юг...

Он сделал паузу, но я не разжимал губ, слушаю со всем вниманием. Он вздохнул и продолжил тем же мягким тоном, в котором все же слышится тщательно скрываемая тревога:

– Вы, конечно, знаете, что пройти через перевал невыносимо трудно, если у вас не будет пропуска?

Я кивнул, но он ожидал вербального ответа, я наконец разомкнул губы.

– Знаю.

– У вас есть пропуск?

Я выдержал его взгляд.

– Господь, – ответил я мягко, – велит надеяться на его помощь. Я – верный паладин церкви, почтенный сэр Уильям. Уверен, Господь мне укажет путь.

Он буркнул:

– В самом деле уверены?

Я чуть-чуть раздвинул губы в улыбке.

– Разве он мне раньше не указывал?

Он помолчал, взгляды бросал испытующие, губы то поджимал, то распускал несколько безвольно, наконец сказал со вздохом:

– Король очень высокого мнения о вас. Он рассказал мне, в какой опасности было королевство. Потому и обращаюсь к вам.

Я сказал предостерегающе:

– Сэр, при всем неизменном и глубоком почтении к вам, позволю себе напомнить... в смысле, позволю напомнить вам, что я паладин. Берусь выполнять только поручения церкви, да и то не все. У нас, паладинов, свой кодекс, на простой рыцарский он похож не больше, чем свинья на коня.

– Сэр Ричард, – произнес он строго, – дело очень важное. Разумеется, все будет оплачено. Поверьте, любой из самых знатных рыцарей был бы счастлив получить то, что я предлагаю в оплату.

Я поднялся, отвесил церемонный поклон, голос мой прозвучал, как финальный удар молотка на аукционе:

– Спасибо, сэр! Никаких баб-с не сопровождаю. Ни дочерей, ни племянниц, ни двоюродных тетушек.

Он смотрел удивленно, даже ошарашенно.

– Сэр Ричард, откуда у вас такие дикие идеи? У меня нет дочерей, а сыновья в состоянии за себя постоять сами.

Я ощутил некоторую неловкость, пробурчал:

– Да так, у меня аллергия на перевозку женщин из пункта А в пункт Б. Нет гаже занятия! И хотя все предсказуемо, все равно противно. Хотя, может быть, потому и противно, что заранее известно все-все.

– Сэр Ричард, – проговорил он, – дело гораздо проще, чем сопровождать в далекое королевство невинную девушку и защитить ее от разбойников, но в то же время – гораздо важнее.

Я покачал головой:

– Простите, сэр. Я очень занят. Если бы это сказали ваши посланцы, вам не пришлось бы тратить на меня время здесь.

За дверью послышались тяжелые шаги, створки распахнулись, их придерживали угодливо кланяющиеся вельможи, в комнату шагнул король Барбаросса.

Он сразу смерил меня исполненным недоверия взглядом, сэр Маршалл отвесил легкий поклон и сказал с достоинством:

– Ваше Величество, с вашего позволения я отлучусь к вашим указам...

Король кивнул, не поворачивая к нему головы:

– Да-да, любезный друг, подготовьте и насчет передачи земель в другие руки.

Маршал вышел, король повернулся ко мне. Я залюбовался крупным суровым лицом, настоящий лев, что прошел все стадии ювенильной драчливости, победил, поверг, завоевал себе земли, а теперь изо всех сил старается показать себя мудрым и дальновидным правителем.

– Сэр Ричард, – сказал он неприятным голосом, – вы не мой подданный, я не могу велеть, как вассалу, но я ваш друг...

У меня глаза полезли на лоб. У Барбароссы несколько смущенный и раздосадованный вид, всю жизнь отдавал приказы, их выполняли беспрекословно, всегда стоял над всеми и никогда не снисходил до чреватой и даже опасной дружбы с подданными.

– Это как? – спросил я с подозрением. – Дружба с королем – это что-то вроде дружбы с женщиной. Но дружба, как сказал великий апостол церкви Ницше, бывает только с равным.

Он набычился, брови сдвинулись на переносице.

– Вы прекрасно знаете, сэр, – прорычал, как разгневанный лев. – Это значит, черт бы вас побрал, что я у вас в неоплатном долгу!.. И вы это прекрасно знаете. И знаете, что я знаю!.. Потому я не мог бы вам приказывать, даже если бы вы были даже последним из моих подданных!

Я отмахнулся, видеть такого могучего деспота смущенным, запутавшегося в неловкости – самому не по себе, буркнул:

– На том свете сочтемся угольками. Что хотел... сэр Уильям Маршалл? Как я понял, вы пригласили его к себе сенешалем?

Он взглянул остро.

– Разве плох? Говорят, черт к старости идет в монастырь, а сэр Уильям, растеряв могучие мышцы, приобрел такие же мозги... Вообще-то это моя идея, сэр Уильям меня опередил. Все старается взять часть забот на себя. Сейчас, когда немалая часть знати истреблена, приходится многие замки и земли перераспределять, а это склоки, дразги, обиды, каждый напоминает о своих заслугах... да хорошо бы о своих, а то о заслугах предков... Да, кстати, если вы возьметесь за одно пустяковое дельце, которое вас абсолютно не обременит, я обещаю вам баронство. Есть очень хорошее поместье в землях де Бражеллена. Там теперь практически свободен замок и принадлежащие ему тридцать две деревни и два городка. Они ваши, сэр Ричард, только примите предложение сэра Уильяма... вернее, это мое предложение!

Я спросил с подозрением:

– А что значит, «свободен практически»? Замок надо еще захватывать?

– Думаю, ворота вам откроют и так, – сказал он сухо. – Замок и владения принадлежали барону Бражеллену.

– Понятно, – сказал я, – правая рука герцога Ланкастерского.

– Вот-вот. Барон Бражеллен был убит, а его жена с десятилетней дочерью потеряла права на владения ввиду измены ее мужа. Вы вступите во владение замком, баронессу отправим в монастырь, ребенка перебросим или родне, или в приют.

Я пожал плечами.

– Не по мне это.

– Что?

– Я паладин, – напомнил я. – Да и вообще... Вообще как-то нехорошо отнимать замок у женщины.

– Не ты отнимаешь! – рявкнул король. – Я отнимаю! Это я пожаловал замок и земли барону двенадцать лет тому!.. Как и другим раздавал земли и поместья, принимая вассальную присягу. Только я хозяин, только я... До сего дня никто не сомневался в моем праве отнимать

у изменников и дарить верным мне людям! Потому что я, король Барбаросса, никогда не злоупотреблял властью... так уж слишком.

Он побагровел, раздулся, стал выше ростом и шире в плечах. Я еще не видел его таким великолепным в гневе.

– Ваше Величество... – начал я.

Он прервал:

– Я же сказал, зови меня по имени. И еще тебе дана привилегия не снимать в моем присутствии шляпу. Ричард, я хочу, чтобы ты стал герцогом, но тебе нужно пройти по всей лестнице, иначе пойдут толки. Как только ты выполнишь тот пустячок, никто не скажет, что я дал баронство любимчику.

Его лицо стало несчастным, я сочувствовал этому гиганту, что и жаждет отблагодарить меня и не может этого сделать в полной мере, потому что, в отличие от большинства тиранов, очень считается с общественным мнением.

Я сказал с предельным сочувствием:

– Ваше Величество, вы – король. Потому и гребете, как породистый зверь, все под себя. Это я, как всякий паладин, гребу подобно курице – от себя... Поверьте, я тоже желаю процветания вашему королевству, но...

– Ричард! – вскрикнул он. – Речь не о моем королевстве!

Я остановился, спросил настороженно:

– А о чем? Баб-с не вожу... Впрочем. Это я уже говорил.

Он сказал сухо:

– При весьма непонятных обстоятельствах погиб герцог Люткеленбергский, гранд Кастилии, конунг Хельнурга и граф Аквании. Он владел герцогством Пуатье, очень богатыми землями, к тому же расположенными в стратегически важном месте между королевствами Честер и Марешаль. Сразу скажу, что эти королевства полностью на стороне Тьмы, хотя там как раз эту Тьму называют Светом, отрицая Господа Бога нашего...

– Поклонение Люциферу, – заметил я, – все понятно. Прошу вас, Ваше Величество, продолжайте.

Он недовольно зыркнул, я упорно не желаю переходить на «ты», хотя каждый был бы счастлив получить эту привилегию. Такие вот редкие отличия, вроде права не снимать шляпу, обращаться к королю по имени или не вставать при появлении короля, летописцы записывают не только в семейные анналы, но и в государственные хроники.

– Не скажу, – прорычал он, – что в моем королевстве такие уж ревностные христиане, но у меня нет храмов, где поклоняются Люциферу! Мы не самые усердные слуги Господа нашего, но мы Его верные слуги и воины.

Пока говорил, я вспомнил, что в самом деле не заметил при Барбароссе колдунов, магов, ясновидцев, предсказателей, что обычно входят в свиту каждого вельможи. Правда, и священника нет, король правит без комиссаров по идеологии и пропаганде.

– Потому я заинтересован, – продолжал он, – чтобы герцогство осталось за потомством герцога Люткеленбергского. К счастью, сын герцога, зовут его Легольсом, приехал на турнир, участвовал в турнире. Ты его видел у меня на пиру, он сидел от тебя через два человека. Видишь, все помню! Он тоже не шибко ревностный христианин, но он христианин. К тому же с ним граф Эбергард Сейненский и граф Мемель, их ни уговорить, ни подкупить, ни запугать. Если Легольс встанет во главе герцогства, там Тьма не воцарится, а те храмы Люциферу, что уже построили, он снесет по совету своих наставников.

– И что же? – спросил я. – Не вижу себя в этой картине.

Он ударил кулаком по столу.

– Теперь враги будут охотиться за Легольсом и, конечно, постараются не допустить его в герцогство, где посадят кого-нибудь из своих. Там кобольды наткнулись в горах на несмет-

ные запасы каких-то руд, герцогство стало еще лакомее для соседей... и не только соседей! По моему настоянию Легольс выехал вчера вечером с тремя моими верными рыцарями. Все оделись торговцами, чтобы оставаться неузнанными. Теперь нужно пустить по другой дороге пышный отряд со знаменами герцога, штандартами и его рыцарями.

Я подумал, посмотрел на короля в упор.

– Значит, Ваше Величество желает, чтобы я принял все удары на себя?

Он на мгновение смешался, даже взгляд отвел, затем с силой ударил ладонью по столу. Бумаги подпрыгнули и полетели на пол.

– Да! – рывкнул он. – Да!.. Я полководец, я заставил себя делать так, как правильно, а не так, как хочется. Потому мое королевство процветает! Если нужно отправить на смерть одного человека, чтобы спасти тысячу, я это сделаю, даже... если тот единственный будет мне сыном. Однако... Ричард, ты же понимаешь, что как раз для тебя опасности не будет... ну совсем-совсем не будет!

Я спросил с любопытством:

– Почему?

– Я умею наблюдать и делать выводы. Когда ты помчался к Франко Кардини, а потом вернулся, подслушав разговор, только я заметил несостыковку. Я уже говорил, я полководец, привык мерить в конских переходах, знаю, сколько проходят за сутки люди, сколько кони, как идут днем, как ночью, сколько миль одолеют с грузом, сколько налегке. После стольких лет походной жизни это у меня в крови.

Я посмотрел на короля с уважением. В самом деле, едва мы с Зайчиком скрывались из глаз, я пускал его таким карьером... Молодец король, ни одна мелочь не укрывается от его глаз.

– И что? – спросил я.

Он покачал головой.

– Значит, сможешь уйти от любой погони.

– А если засада?

– Твой конь, – повторил он с нажимом. – Что у тебя за конь? После турнира на нем ни царапины, я сам видел. Да и ты... впрочем, ты можешь получать раны, но умеешь тут же заращивать!

Я возразил:

– Одну-две, но не до бесконечности. Я каждый раз слабею, в конце концов уже не смогу даже сказать «мама». И отброшу копыта если не от ран, то от постыдной слабости, что, понятно, для мужчины позорнее рваной раны под сердцем... тьфу-тьфу!

– Твой конь вынесет из любой схватки, – сказал он непреклонно. – Ричард, я не просил бы оказать такую услугу, если бы не видел, что для тебя это пустяк. К тому же – безопасный. Поверь, я не стал бы рисковать жизнью человека, который и жизнь мне спас, и королевство вернул!

Я пробормотал:

– Ваше Величество, вы преувеличиваете. Вы такой здоровенный кабан, что и без меня справились бы. И королевство вернули бы. Я так... больше в ваших королевских конечностях путался. Задних, конечно.

Он даже отвечать не стал, лицо выражает полное презрение к чепухе, которую порю, чтобы дать ему почувствовать себя круче и не таким зависимым от меня. Сильный король не боится сказать, где он слаб, где допускает дурость, а где нам с ним можно... поулыбаться.

Мой панцирь вокруг трепетной и отзывчивой души начал потрескивать, я спросил с великой неохотой:

– А как это будет обставлено, чтобы все думали на меня?

Он вздохнул с огромным облегчением, плечи расправились, я услышал грохот рухнувшей горы. Глаза заблестели, сказал живо:

– А вот сейчас и придумаем!... Кстати, я уже велел выписать на тебя баронство и тот замок с поместьем.

– Ладно, – произнес я примирительно, – принимаю, но с условием, что в этих владениях буду распоряжаться сам.

– Ну конечно же!

– А это значит, – уточнил я, – что если там на месте решу не отнимать замок у бедной женщины...

– Бедной? – взревел он.

– Я в христианском смысле, – уточнил я. – Потеряв мужа, женщина становится бедной.

Он зло ухмыльнулся.

– Не все, не все. Есть такие гарпии, которым вдовство только развязывает руки. Она уже начинает крепить связи с теми баронами, кто хоть в чем-то может быть недоволен мною. Так что возвращайтесь побыстрее! И принимайте владения.

– Хорошо, – ответил я. – Но если не вернусь этим летом, осенью передайте замок верному человеку. Безопасность королевства – прежде всего.

Он пристально посмотрел мне в глаза, стараясь проникнуть в мои замыслы, протянул руку.

– Обещаю.

Мы крепко пожали друг другу руки, я заметил его взгляд, брошенный на мою ладонь. Сам он, завоевавший власть силой, когда личная отвага и крепость мышц далеко не последнее дело, все еще ревниво отмечает одиночек, имеющих наглость равняться с ним в росте или силе.

Появился молодой рыцарь, одетый не столько пышно, сколько удобно. Я рассматривал картины на стенах. Барбаросса и здесь в первую очередь правитель: ни одной фривольной или просто вольной – все героические, патриотические, жертвенные, возвышенные, воспитательные. За моей спиной Барбаросса негромко велел позвать сенешаля. Когда тот появился, Барбаросса сказал отрывисто:

– Любезный сэр Уильям, подготовь указ. Виконту Ричарду Длинные Руки от нашей милости жалуются земли Сворве и Коце с находящимся там замком, поместьем, загородными домами, деревнями и двумя городами.

Маршалл посмотрел вопросительно.

– Виконту?

– Да, – бросил король отрывисто. – Виконт Ричард де Амальфи, приняв замок, становится бароном Ричардом де Сворве и Коце... нет, это длинно. Скажем, барон Ричард де Сворве? Так лучше? Пиши, пиши. Не забудь, что со всеми вытекающими правами и обязанностями.

Сэр Уильям кивнул с непроницаемым лицом, а я спросил со вспыхнувшим, как фейерверк, подозрением:

– Это какими еще обязанностями?

Король огрызнулся:

– Почему никто еще не протестовал против прав, а вот обязанности никому не нравятся?... Ладно, сэр Ричард, никаких обязанностей. Удовлетворены? Даже вассальную присягу приносить не обязательно, хотя ваша удельность может послужить плохим примером для ваших соседей. Соблазн, как-никак... Ладно, с этим позже. Когда готовы выехать?

Я ответил честно:

– Я уже направлялся к городским воротам, когда перехватили ваши новые графья. Вы им доверяете? У двух больно рожи...

Он раздраженно отмахнулся.

– Не могу же я ко двору взять тех ветеранов, с которыми прошел все войны и которым доверяю спину? Они таких дров наломают! Не-е-ет, во дворце обитает особая порода людей. Конечно же, я им не доверяю и близко к себе не держу. Но некоторые из них умеют заставить

крутиться все колеса государственной машины, а это главное. Впрочем, вам такое понимать еще рано.

Я кивнул.

– Да, конечно. Самые честные и чистые люди в вашем королевстве – как раз альбигойцы. Но они залили бы страну кровью, добиваясь прихода «золотого века», земли пришли бы в упадок, все рухнуло бы, и само альбигойство рассыпалось бы в пыль... Словом, я не стану задерживаться, Ваше Величество. Если у вас есть какие-то пожелания на дорогу...

Я поднялся, не дожидаясь его разрешения. По королевскому лицу тут же промелькнула гримаса раздражения, привык к солдатскому повиновению, но ничем не выразил вскипающего гнева, поднялся и сказал прежним голосом рыкающего льва:

– Не умничайте, сэр Ричард. А то усомнюсь в вашей доблести. Сейчас вам принесут штандарт герцога Люткеленбергского, с ним и поедете. К тому же вам придется набросить на плечи его знаменитый черный плащ с золотым конем, ни у кого больше такого нет. Легольс очень жалел, что с ним расстанется, но когда на другой чаше весов герцогство... Словом, это вам подарок. Плащ не простой, сэр Ричард! Но святая церковь освятила его, так что зла от него нет, а только благо...

Я отмахнулся.

– Ладно. Плащ – это плащ. Итак, Ваше Величество, меня там конь ждет, да и Пес... я о нем всегда забываю.

Он изволил провести меня до дверей, вдруг хлопнул себя по лбу.

– Ах да!.. С вами поедут граф Эбергард Сейненский и граф Мемель. Это доверенные лица герцога, они сопровождали наследника... во избежание всяких эксцессов. Ну, вы поняли.

Я сказал раздраженно:

– Это я понял. Видел их у вас на пиру вместе с герцожьим сыном. Но не понял, какого... овоща присобачиваете в спутники еще двух овощей?

– Без них нельзя, – вздохнул он. – Вы можете себе представить наследника, который разъезжает даже по собственному королевству без охраны и советников?

– Герцог Черторт прибыл без охраны!

– Инкогнито, – напомнил Барбаросса. – А что он герцог, узнали только после турнира. А вам, дорогой барон... ничего, что я авансом? Это я так выражаю уверенность в успехе вашей миссии... вам надлежит ехать открыто и немножко нагло, что вообще-то свойственно Легольсу. Пусть все видят, кто при встрече изволит одарить их равнодушным взглядом.

Я сказал еще злее:

– А как тогда вяжется с вашим предыдущим ляпом, что в случае опасности пришпорить коня и драпать от любых врагов?

– А так и надо, – ответил он с королевским пренебрежением. – Главное – спасти короля, герцога или графа, словом – сюзерена. Вассалы останутся выполнять свой долг, это дело чести, а вы должны мчаться во весь опор. Зато все будут знать: на Легольса, сына герцога Люткеленбергского, в дороге совершено покушение, все убиты, ему одному чудом удалось спастись.

Я вспомнил надменные рожи графа Эбергарда и графа Мемеля, что-то во мне бунтует, топорщит перья, но вслух я сказал зло:

– Да уж этих двух индюков брошу с удовольствием!

Может быть, мелькнула мысль, даже не дожидаясь нападения каких-то там разбойников или врагов герцогской короны.

Глава 3

Король, неслыханное дело, самолично повел меня к выходу, хотя, конечно, это подавалось, что я с самым верноподданным лицом и суетливыми движениями сопровождаю величественного монарха. Граф Легольс, сообщил Барбаросса, всю ночь гнал коней, уходя как можно дальше от того места, где могли бы застать враги, а затем, сменяя усталых коней, устремился в герцогство по окольной дороге, что хоть и длиннее на триста миль, зато и безопаснее, и никто его там искать не станет. Все это время, начиная с Каталауна, он будет называться другим именем, а местные колдуны сумели придать ему облик человека намного старше и абсолютно не похожего на погибшего герцога.

Мне же предстоит выехать с великой пышностью, с оповещением вперед по дороге, дабы на постоялых дворах и в гостиницах заранее готовили для меня лучшие комнаты.

– Это не значит, – предупредил Барбаросса, – что вам, сэра Ричард, там нужно ночевать. Напротив, я бы не советовал...

– Да и мне что-то не очень хочется, – пробормотал я.

– Вот-вот. Ты ведь избалованный граф, тебе всегда шлея может под хвост... и ты выкинешь что-то такое, чего враг не предусмотрит.

– Это я могу, – заверил я. – Мы ж простые, бесхитростные.

Он с неодобрением смотрел, как я вытер нос рукавом, да я и сам застыдился мальчишечьей выходки, сделал серьезное лицо. Я не успел заметить, как он открыл прямо в стене, мимо которой шли, небольшую дверь, быстро втолкнув меня, шагнул следом и закрыл за собой.

Два человека поднялись навстречу. Оба настоящие аристократы, такими я привык видеть их по старым английским фильмам: прямые, строгие, с непроницаемыми лицами. Оба смотрят бесстрастно, без приязни и без осуждения, я ни к селу ни к городу вспомнил определение корректности в старом учебнике этикета: если юноша и девушка после двадцати свиданий все еще ничего не знают друг о друге – они корректны. Так эти двое наставников юного герцога предельно корректны в выражении своего отношения ко мне. Это я сам чувствую фибрами или жабрами, что они мой вид весьма не одобряют, как и само решение отправить наследника тайком, а меня под его именем – с помпой.

Барбаросса широко повел мощной дланью.

– Граф Эбергард, граф Мемель... Это сэра Ричард, виконт, а после завершения того, что мы задумали, барон... Итак, если у кого есть вопросы, я готов помочь разобраться.

Оба аристократа смотрели на меня по-прежнему бесстрастно, лица ничего не выражают, лишь холодную учтивость. Я смотрел так же холодно и как бы сквозь них. Видал я всяких графьев, да тут короли как гуси стадами ходят. Мне от вас, ребята, ничего не надо, так что не ждите, чтобы я для вас танцевал краковяк или чистил вам сапоги.

Аристократ, которого я помню как графа Эбергарда, повернулся всем корпусом к Барбароссе.

– Ваше Величество, не говоря уже о том, что этот... э-э... барон... простите, даже виконт, не справится с благородной ролью изображать Его Светлость, здесь слишком многие знают как благородного графа Легольса, так и этого... простите, виконта.

Я громко зевнул, запустил руку за ворот рубашки и с наслаждением почесался, зверски перекосив рожу. Графья смотрели мимо меня, на их лицах не дрогнул ни единый мускул. Я придвинул с грохотом стул, сел и расставил ноги пошире.

Барбаросса метнул на меня раздраженный взгляд.

– С этим справимся, – сказал он графу Эбергарду. – Отъедете тоже тайно, а когда будете за городом, объявим, что молодой герцог только что отбыл со своей свитой. Дорога, к счастью, идет по землям, где молодого герцога не видели.

Граф Эбергард смотрел на него в упор, голос прозвучал так же ровно:

– Ваше Величество, но Его Светлость был примером галантности и учтивости. Сможет ли ваш виконт...

Барбаросса нахмурился, метнул в мою сторону предостерегающий взгляд, уговаривая стерпеть этих двух старых ослов, прервал в нетерпении:

– Ему не придется танцевать на балах и целовать дамам пальчики!.. Задача куда проще – проехать через герцогство Ламбертиния, заглянуть к барону Орсону де ля Бергу, можно и заночевать у него, побывать в королевстве Эбберт... вообще заезжайте по дороге, куда вам будет удобнее, давая понять встреченным, что они видели герцога со свитой. Только и всего!

Второй граф, который Мемель, помалкивал, а граф Эбергард в сомнении покачал головой.

– Путь длинный, не всегда же ночевать в лесу, нас просто не поймут. Герцог должен останавливаться в замках тех лордов, что будут попадаться по дороге. А также в городах, где достаточный уровень комфорта.

Барбаросса снова отмахнулся с непринужденностью врожденного полководца, который намечает общий план, а мелочи лягут в схему сами.

– Вот и говорите за него. А герцог может же упиться вусмерть, устать так, что язык заплетается, просто пребывать в дурном настроении?

Граф Эбергард возразил, не глядя в мою сторону:

– Ваше Величество, это рискованно!

– Вся жизнь – риск, – ответил король бодро. – К тому же будущий герцог Легольс уже скачет сейчас с тремя моими верными рыцарями, загоняя коней, чтобы успеть уйти подальше... Так что придется принять мой план.

Граф сказал с предельной учтивостью:

– Мы его приняли, Ваше Величество. Наши сомнения касаются только...

Я снова громко зевнул, длинно и с завыванием, заставив всех обратить на меня внимание.

– Ваше Величество, – сказал я и поднялся, стул без необходимости отодвинул, понравилось, как злобно скрежещет по каменному полу, – я в самом деле устал так, что язык заплетается. И вообще пребываю в дурном настроении. Меня там конь заждался, представляете? Мой прекрасный умный конь, а мне приходится выслушивать... комплименты. Я просто надеюсь, что вы так и не сможете договориться насчет моей кандидатуры с этими двумя... очень достойными сэрами. Да слишком достойными, ох как слишком! Мое почтение.

Я повернулся и направился к выходу уверенным шагом. Король что-то рявкнул, но я сделал вид, что не услышал или недопонял. Никаких стражей, которые бы скрестили передо мной алебарды. Я толкнул дверь и ускорил шаг. По ступенькам уже сбежал вприпрыжку навстречу синему небу и яркому солнцу.

Вельможи и рыцари опасливо обходят громадную блестящую статую из черной смолы, так выглядит мой Зайчик. Никто не смеет подойти, только один рыцарь в очень дорогой кольчуге присел на корточки и рассматривает копыто моего жеребца. Пес, к моему удивлению, сидит на толстой, как у медведя, заднице и рассматривает его скорее благосклонно, чем подозрительно.

Зайчик радостно ржанул. Рыцарь поднял голову, просиял так широко, как может только человек с таким широким лицом и такими тараканье-кошачьими усами, раскинул руки и ринулся мне навстречу. Еще с трех шагов меня мощно ударила в грудь тугая волна ароматов хороших вин.

– Сэр Ричард! – вскричал он. – Я уж страшился, что уже не увидимся!.. Господь даровал мне победу... но только с вашей помощью. Сэр Ричард, я знаю, что не смогу отблагодарить вас ни деньгами, ни захваченной добычей... но чем-то ж могу? Располагайте мною! Я, всю

жизнь зубами и когтями отстаивавший свою независимость, приношу вам свою клятву оммажа и обязуюсь прийти к вам на службу в тот же миг, как призовете!

Я обнял его, сам растроганный, кивнул на Зайчика.

– Подлизываетесь?

Он расхохотался.

– К королям не подлизывался, но к такому коню... Мне показалось, что подкова стерлась.

Вы уже собрались в дорогу?

– Да, сэр Смит.

– И не попируем напоследок?

Я развел руками.

– Мой конь оседлан, мешок собран.

Он вскричал горестно:

– Я же только с началом этого турнира пил и ел вволю на свои деньги!.. Ну, не впервые, конечно, но никогда так обильно и... с таким запасом. Мы вчера сразу после схватки закатали общий пир и всю ночь договаривались о выкупе. Я вообще-то человек скупой, но тут уж показал всю свою щедрость!.. Нет, без выкупа никого не отпускал, я ж не совсем дурак и не богатый граф или герцог, но сумму назначал божескую, пристойную, со мной почти не торговались. Словом, теперь я богатый человек!

– Вернетесь и купите поместье?

Он развел руками.

– Была такая мысль, но король милостиво разрешил мне самому выбрать любое из двадцати освободившихся, представляете? Вы были правы, сэр Ричард, с такой подсказкой... Ну, насчет правильной стороны забора! Хотел было тут же принимать свалившееся богатство, но, с другой стороны, у меня Золотой Шлем, присланный императором. С ним что делать? Придется ехать на Юг, как и мечтал. А вдруг там получу еще больше?

– Повалился кувшин по воду ходить, – сказал я предостерегающе.

Он покачал головой, лицо посерьезнело, глаза стали трезвыми.

– Сэр Ричард, это моя первая большая удача. И что же, тут же осяду в поместье и буду гусей выращивать? Вот и все, кончилась жизнь?.. Нет, сэр Ричард. Если вы едете на Юг... хотя я не представляю, как намереваетесь туда попасть, то я – ваш верный спутник. Возможно, я со своим Золотым Шлемом смогу быть полезным. Ведь я, как уже сказал, приношу вам клятву верности. Вы столько сделали для меня, ничего не требуя взамен, что я просто... просто не знаю!

Зайчик просунул голову между нами и посмотрел то на одного, то на другого. Мы оба одновременно почесали ему шею, я вздохнул:

– Торопит!

Сэр Смит вскричал:

– Я мигом! Мне собраться – раз плюнуть. У меня почти и собирать нечего. Сэр Ричард, с вашей стороны будет очень неблагородным поступком вот так не позволить мне хотя бы попытаться отблагодарить, отслужить!

Лицо его стало совсем отчаянным. Я развел руками.

– Заколдованные здесь ворота, что ли? Никак не выберусь из города... Хорошо, сэр Смит. Только побыстрее.

На постоялом дворе я снова Зайчика оставил нерасседленным. Хозяин округлил глаза при моем появлении, но я объяснил, что заехал за своим вассалом, вон побежал собирать мешки. Немного погодя решил сам заглянуть в бывшие наши покои, провожаемый взглядом хозяина, в котором не то больше облегчения, что уезжаю, не то сожаления: мол, уезжает богатый клиент, который и сам ночует в непригодных для жилья комнатах, и других приводит.

Сэр Смит поспешно скатывал в тугой рулон одеяло, я остановился перед волшебным зеркалом. В груди шевельнулась тоска – в который раз уезжаю, едва-едва прикоснувшись к чудесному. Уж я-то смог бы вытянуть из него побольше, чем местные. Эти лишь крестятся и стараются проشمгнуть мимо всего чудесного, отплеываясь и отворачивая хари.

С другой стороны, я все ближе к Югу, где настоящие тайны, где самые могущественные маги, где от древних эпох осталось намного больше артефактов и, главное, местные не стремятся наперегонки их уничтожить. А по мне так лучше журавль в небе, чем стараться выжать из синичек то, что под силу только птицам более могучим.

Когда-нибудь, пообещал я себе, вернусь и постараюсь разобраться с этими «чудесами» зачарованной комнаты, которые для меня вовсе не чудеса, а навороты более продвинутых технологий.

Сэр Смит торопливо облачался в доспехи, с мольбой посмотрел на меня, и я сделал то, чего он никак не решался попросить у сюзерена: затянул ремни на спине, поправил щитки.

– Стоит ли? – спросил я с сомнением.

– Что?

– В городе сражаться не придется, – заверил я. – И вообще долго придется ехать по мирным землям короля Барбароссы, уничтожившего крупный криминал в лице независимых баронов и средний – в лице разбойничьих шаяк. А от карманников доспехи не спасут.

Он колебался, в лице некая виноватость.

– Сэр Ричард... У меня никогда не было таких великолепных доспехов. Вы посмотрите на эту чеканку золотом!.. А вот эта отделка благородным серебром?.. Посмотрите, какая ювелирная работа! Даже не представляю, что за оружейники делали, чья работа, это же просто невероятно! А коню моему все равно, будет это железо на мне или в мешке за моей спиной.

Я кивнул, чувствуя себя смущенным.

– Да, сэр Смит, простите.

– Это вы простите за такое мальчишество, – вздохнул он, – не могу удержаться. Слаб человек. Я ведь теперь настоящий барон с щедрой руки Его Величества! Как жаль... Как жаль, что приходится расставаться со всем этим... и покидать великолепнейшее королевство! Здесь я ощутил себя человеком, здесь встретил настоящих друзей и только здесь был осыпан милостями Его Величества, в то время как в других землях лишь получал зуботычины...

Я вздохнул.

– Так оставайтесь. Какого черта искать на Юге наемником, если здесь можно жить полноценным бароном?

Сэр Смит вздохнул.

– Ах, сэр Ричард... Я так долго мечтал выиграть главный приз на турнире и поехать ко двору императора! Как вот так взять и отказаться от мечты? Это же все равно, что поставить на себе крест, как на отважном рыцаре... и превратиться в старого деда.

Мы выехали со двора под крики мальчишек, что приветствовали по большей части сэра Смита как победителя турнира. Нам с Зайчиком и Псом тоже досталось несколько одобрительных замечаний, но почти все они относились к ним, а в мой адрес я услышал только «длинный» и «длиннорукий».

Разгоняя прохожих по улице, навстречу несся богато одетый всадник, я узнал молодого придворного, недавно произведенного в рыцари. Он прокричал, запыхавшись:

– Сэр Ричард, сэр Ричард!

Сэр Смит ревниво нахмурился, а рыцарь прокричал радостно:

– Фу, как хорошо, что я вас успел перехватить!

– Хорошо для кого? – спросил я.

Он смешался, поклонился и спросил уже со всевозможной учтивостью:

– Благородный сэр Ричард... и ваш благородный друг, столь отличившийся на турнире... вы направляетесь по Трапезундской дороге?

– Да, – ответил я, – направляюсь. Но, если вожжа попадет под хвост, выберу другую. Хотя и не знаю, есть ли такие вообще.

Он перевел дыхание. Разогретая скачкой лошадь нервно перебирает ногами, беспокоится, скидывает голову. Звоня удилами, рыцарь сказал торопливо:

– Его Величество просит, чтобы вожжа не попадала.

– А ему-то что?

Он сдвинул плечами.

– Я не посвящен. Мне просто велели передать, что... вернее, убедиться, что вы поедете той дорогой, как и планировали.

Я кивнул сэру Смигу, он кивнул и пустил рысью каурого конька. Впрочем, вру: каурый – это рыжеватый, а этот – рыжий со светлыми гривой и хвостом, что значит игреневый. Игреньевый, дубина, пора запомнить масти. Их всего восемь: буланый, вороной, гнедой, игреневый, каурый, пегий, саврасый и сивый. Нет, забыл еще соловую масть – это когда конь весь желтоватый, но со светлой гривой и хвостом. Почти то же самое, что игреневый, но там рыжий, а здесь желтоватый... Очень большая разница, подумаешь, однако в мужском кругу ошибиться с мастью, я уж и не знаю что может быть хуже! Разве что спутать Марадону с Эйсебио.

Небо синее, облачка редкие и тающие на глазах, как редкий снег под прямыми жаркими лучами солнца. Земля сухая, наши кони стучат копытами ноздря в ноздрю, им притираться характерами не приходится, уже знакомы. Сам сэр Смит со мной сразу принял тон вассала по отношению к сюзерену. Думаю, не столько из великого почтения, сколько из чувства вины, что приз достался ему, хотя сильнейших противников как раз сразить довелось мне.

Солнце вскарабкалось к зениту, когда сэр Смит вскрикнул:

– Ого, что-то мне этот всадник знаком!

Мы пустили коней в галоп. Вскоре облачко пыли рассеялось, и мы увидели мирно трусющегося мула, а на нем сгорбленного монаха. Не слыша грохота копыт, он склонился над книгой, читал, старательно шевеля губами. Сэр Смит жизнерадостно заржал, монах испуганно вскинул голову. В светлых глазах вспыхнула радость.

– Брат паладин, сэр Смит!..

– И на муле читаешь? – удивился Смит. – А если завезет прямо в ад?

Брат Кадфаэль засмеялся.

– Этот может... такая упрямая скотина! Но зато бегают, редкий конь угонится. Значит, вы оба на юг?

Я подумал, сказал неуверенно, чувствуя, что делаю глупость, но в то же время не могу не сказать:

– Даже не оба, а все трое... Думаю, какое-то время нам лучше ехать вместе. Кто знает, что впереди.

В его глазах было столько благодарности, что я тут же брякнул какую-то грубость, лишь бы уравновесить, снизить неприятие белых и пушистых в крови, так воспитан, а затем добавил, уже как бы извиняясь:

– Вообще-то мы больше рассчитываем на твою защиту. Ты ведь можешь остановить речные воды, испепелить гада одним взглядом... Наша задача – толкнуть тебя, чтобы проснулся вовремя.

Он слабо улыбнулся, во взгляде понимание и такая братская любовь, что я отвернулся, только бы не брякнуть что-то снова.

Деревья пошли с красными, просто революционными кронами, у подножия широкий ковер опавших листьев. Однако осенью пока что не пахнет, кузнечики орут ликующе, порхают бабочки, а травы пахнут так мощно, что я старался приглушить свой обостренный нюх. Надо уметь им пользоваться, иначе после получасового внюхивания начинает трещать голова, повышается давление, и вот-вот из ноздрей хлынет кровь.

А затем как-то слишком быстро на землю упала густая тень, похолодало. Тень помчалась, пригибая травы и поглощая солнечный свет. Тучи надвинулись пугающе стремительно. Я чувствовал, как прижали к земле всей непомерной тяжестью, воздух уплотнился, появились неясные тени, что немислимы в чистый солнечный день. Но сейчас небо такое черное, что на земле почти ночь, странные пугающие сумерки, словно мы оказались совсем в другом мире...

В туче слабо сверкнуло, но вместо раскатов грома мы слышали треск, жуткий вой. Громовые пласты напоззают друг на друга, сталкиваются, я отчетливо слышал тяжелые удары, словно сшибаются горы мокрого песка, даже не горы, а целые горные хребты. Всякий раз вой раздается с новой силой, будто в этих тучах кричат смертельно раненные звери, тоже размером с горы.

Брат Кадфаэль бормотал молитву, сэра Смит заорал весело:

- А вот и не догонит, а вот и не догонит!
- О других тоже думать надо, – укорил я.
- А в Каталауне уже привыкли, – напомнил он.

Над головой гремело и грохотало. Полоса ливня прошла в четверти мили от нас, окатило волной холодного воздуха. Похоже, вблизи высыпало граду по щиколотку, затем то ли туча отступила, то ли мы успели выскользнуть из зоны удара.

Сэр Смит приложил руку к глазам козырьком, булатная рукавица скрежетнула по железу шлема.

– Там впереди на дороге не меньше десятка всадников, – сказал он с неуверенностью. – То неслись во весь опор, словно удирали, а теперь остановились... ждут.

Я присмотрелся, как это он всегда успевает рассмотреть раньше, хотя у меня зрение лучше, предположил:

– Гости, что приезжали на турнир? Увидели нас, решили подождать. Вместе ехать веселее.

Он проворчал с недоверием:

- Их десяток, они друг друга знают. А мы им что? Нет, что-то другое...
- Он как бы невзначай потрогал рукоять громадного меча. Я пробормотал:
- Скорее всего, это в самом деле ждзт нас.
- Зачем?
- Был один разговор с Барбароссой.
- Его Величеством? – уточнил Смит.
- Да, им самым.

Сэр Смит полюбозпытствовал:

– О чем был разговор, если мне позволено узнать? Ох, простите, сэра Ричард, я подумал, что это может и нас коснуться...

– Позволено, – ответил я. – И наверняка коснется, увь. Сейчас подьедем, все и узнаете. Я предупредил короля, что от вас у меня тайн нет.

Сэр Смит гордо подбоченился, брат Кадфаэль взглянул с благодарностью.

Граф Эбергард Сейненский и граф Мемель ожидали нас во главе небольшого отряда из десятка конных рыцарей. У всех на щитах вставшие на дыбы кони, небольшая корона сверху говорит о герцогстве, еще за спиной сэра Эбергарда и сэра Мемеля молодой рыцарь гордо держит знамя с изображением того же вздыбленного коня.

Сэр Эбергард двинулся навстречу, серые глаза стального цвета смотрят на меня еще более неодобрительно, чем когда встретились у короля.

– Ваша светлость, – сказал он громко, краем глаза я видел, как вытянулось лицо сэра Смита, а глаза брата Кадфаэля вспыхнули, как два светильника, – не будем тратить время, надо спешить в герцогство. Надеюсь, что за сегодня мы успеем одолеть не меньше чем тридцать миль.

Я сказал вежливо:

– Вольно, граф. Не надо тянуться, мы не во дворце. Некоторые условности, неуместные в походе, опустим. Разумеется, мы будем торопиться. Но не слишком ли нас много? Полагаю, что пару человек, а то и пятерых, стоит пустить вперед, пусть позаботятся насчет гостиницы.

Он выслушал внимательно, ничто не изменилось в его лице, ответил кратко:

– Нет, ваша светлость. Эти люди для вашей охраны.

Один из молодых рыцарей выехал вперед, в руках роскошный черный плащ с богатой золотой вышивкой. Я успел увидеть изображение золотого коня, вздыбленного и с развевающейся гривой, после чего рыцарь с великой почтительностью набросил плащ мне на плечи.

Я нахмурился и пустил Зайчика вперед по дороге. Сэр Смит поехал от меня слева, а брат Кадфаэль – справа. Граф Мемель нахмурился, что-то сказал графу Эбергарду, а тот отвечал успокаивающим тоном. Возможно, объяснил, что сэр Смит имеет право ехать рядом, как победитель турнира. Это ничуть не ущемляет достоинства герцога, победитель турнира обычно пирует за столами королей, а монах тем более должен быть в пределах досягаемости мудрого правителя, ибо с церковью пока что считаться приходится.

Сэр Смит посматривал искоса, наконец осмелился спросить шепотом:

– Сэр Ричард... я не удивлюсь, если окажетесь даже королем...

– Успокойтесь, сэр Смит, – ответил я так же тихо, – всего лишь очередная авантюра...

Его глаза вспыхнули.

– Это как?

– Только играю герцога, – объяснил я. – А настоящий в одежде простолюдина со всех ног мчится к опустевшему трону.

Он спросил с еще большим энтузиазмом:

– Значит, за нами будет погоня?

– Еще и засады, – заверил я.

Он воскликнул ликующе:

– Брат Кадфаэль, ты слышал? Вот где погоняем гадов без всякой жалости! А то этого нельзя, другого нельзя, мечи чтоб тупые... Мельчает рыцарство!

Брат Кадфаэль посмотрел с укоризной.

– Сэр Смит, как вы можете? Я все-таки уверен, что в глубине вашей мохнатой и насквозь прочерствевшей души все же сохранилась искорка благочестия, и я приложу все усилия, чтобы раздуть ее в бушующее пламя...

– Свят-свят! – испугался сэр Смит. Щеки его разом потеряли буряковый цвет. – Брат Кадфаэль, этому миру нужны не только монахи, но и рыцари!

Очень разумно, подумал я. Иногда и такой, как сэр Смит, способен выдать чеканную мысль, сам того не подозревая. Впрочем, он же блондин.

Глава 4

Серая тень упала на землю, странно трепещущая, словно над головой плещется море, а вниз падают отблески. Я задрал голову, не сразу сообразил, что это не туча мошкары, а несметная стая крупных птиц. Если, конечно, птиц: несутся слишком стремительно. Даже отсюда видно, что слишком часто-часто взмахивают крыльями, хотя для осенней миграции вроде бы рано.

– К беде, – лаконично сообщил сэр Смит. Подумал, добавил значительно: – К кровавой жатве, что соберут наши мечи! Что-то грозное ждет нас впереди.

Рыцари держались установленного порядка: трое впереди, трое в арьергарде, еще по одному в опасных местах отъезжали в стороны, заглядывали в мелкие овраги, оставшиеся двое ехали с графами, готовые в любой момент закрыть своими телами «наследника престола». Я видел, как рука Кадфаэля поднялась, он благословил отряд, в чистых небесных глазах, невинных, как у младенца – ну не бывает у киллеров таких глаз, не бывает! – светилось облегчение и даже счастье.

– Как хорошо, – сорвалось с его губ.

– Что? – поинтересовался любознательный сэр Смит.

– В нашем отряде пятнадцать человек, – добросовестно объяснил Кадфаэль. – И ни одной женщины. Мысли достойных рыцарей могут быть обращены к Богу, ничто не препятствует, не отвлекает от раздумий, от поиска вечных истин.

Сэр Смит задумался, посмотрел на моего Пса и заметил глубокомысленно:

– Привлекательные женщины... отвлекают, согласен.

– У любой женщины, – добавил я, – проблем всегда больше, чем у нас. И вот нам всем надо, по мнению этой любой женщины, все бросить и мчаться решать ее дела. А ведь бросимся же!.. таковы узкие рамки цивилизованности, в которые мы сами себя загнали. Эх, скорее бы феминизм да эмансипация...

Они не поняли, сэр Смит вздохнул и сказал грустно:

– Женщины вдохновляют нас на многое великое... Они же мешают это творить. Так что будем радоваться, что нет их среди нас. Можно ехать с расстегнутой ширинкой.

Он загоготал, но в самом деле все чувствовали куда большую сплоченность, чем если бы в отряде были женщины, пусть даже хоть одна. Тогда все хорохорились бы, выпячивали грудь, сверкали глазами и то и дело старались проехать мимо ее повозки. Да и друг перед другом началось бы соперничество. Таких приходи и бери голыми руками.

Граф Эбергард и граф Мемель в доспехах выглядят весьма и даже весьма. Намного лучше, чем тогда за накрытым столом или даже утром, когда осматривали меня, как козу на базаре. Хотя по возрасту вдвое превосходят всех остальных, я не сомневался, что в воинской выучке и умении владеть оружием выше их на порядок. Таких людей я уже встречал, это надежные, хоть и занудные, люди и, если за что берутся, выжимают из себя все. К сожалению, того же требуют и от других, не понимая, что не все могут вот так все бросить и пойти лягушек давить.

Мы проехали так всего милью, затем граф Эбергард, он старший, не вытерпел и сделал то, что я предложил с самого начала: выслал вперед по дороге вместо тройки пятерых рыцарей. Правда, не для того, чтобы готовить гостиницы, а для вящей безопасности «сына герцога». Оба графа едут позади нас, чуть приотстав, с ними еще пятеро. Как я заметил, рыцарей подобрали наверняка не по знатности, иначе бы уже были заносчивые споры, кому ехать впереди. Вообще эти рыцари напоминают рыцарей-монахов, только у тех дисциплина, порядок, беспрекословное подчинение старшему, благодаря чему только рыцарские ордена могли вести войну против сарацин и вообще оказались единственной реальной силой.

Эти молодые и немолодые рыцари даже друг с другом почти не общались. Я не слышал ни смеха, ни беспечных шуток, все слишком поглощены важностью вверенного им дела, из чего ясно, что граф Эбергард набрал из самых незнатных дворян, которые из кожи будут лезть, чтобы доказать свою пригодность, и выполняют любой приказ без споров, пререканий и напоминаний, что их род вообще-то идет от самого Лордредра или даже Дилинга, в родстве с Жеркингом и был замечен даже в битве при Лепано.

Я видел, как втайне ликует сэр Смит. Клеймо незаконнорожденного все же проступает даже под титулом чемпиона. Он побаивался, что ототрут в сторону, а так едем втроем, брат Кадфаэль не соперник, чешем языки. Все настолько хорошо, что начинаешь оглядываться по сторонам: так не бывает долго, какая-то гадость явно уже нацелилась, точит клюв и растопырила когти...

К закату впереди показались стены обширного города. Кадфаэль о нем ничего не знает, зато сэр Смит рассказал, что здесь уже несколько лет набирает силу конфликт между городом и монастырем. Конфликт куда более значимый, чем между городом и отважными баронами фон Тралботами. Церкви и монастыри издавна были освобождены от налогов. Более того – у монастырей иммунитет, а это значит, что в ворота не впускали не только врага, но и городские власти.

Горожан возмущает, что здоровенные монахи освобождены как от воинской службы, так и вообще от всех обязанностей горожан. Понятно, почему число монахов и просто работающих в монастырях постоянно растет: им не надо заботиться о семьях, у них больше сил и времени на конкуренцию с ремесленниками и оружейниками в городе.

Сэр Смит показал на высокие стены монастыря, на четыре вознесенные ввысь башни.

– Замок баронов фон Тралботов укреплен слабее!.. И народу у Тралботов меньше.

– Но не станет же монастырь с ними воевать, – возразил я.

Он сдвинул плечами.

– Я тоже так считаю. Зачем? Они и так теснят, захватывают в свои руки и земли, и людей.

Однако...

– Что?

Он криво ухмыльнулся.

– Когда такой соблазн... даже не знаю, сам бы я устоял?

Я слушал, мотал на ус. Сэр Смит рассказывает со смешком, как о нелепости, что скоро кончится, но я-то вижу ростки нового мира. В этом городе, как и в каждом из городов, в самом центре на вершине холма гордо высится замок, однако замок пуст: бароны фон Тралботы изгнаны... самими горожанами. Управляет городом Совет, созданный братством цехов. Сперва в цеха входили только предприниматели и ремесленники, а теперь вот в них вошли все горожане, так что Совет представляет весь город.

– Значит, – переспросил я, не веря ушам своим, – городом правят... э-э-э... предприниматели?

– Правит Совет, – пояснил сэр Смит, – а в него, помимо цеховиков, входят представители от всех гильдий, всех союзов. Так весь город, как единый кулак, дерется за себя, а не за баронов, как было раньше.

– А бароны?

Он засмеялся.

– За городом еще один замок. На горе. Бароны укрепились там. Еще несколько знатных родов изгнаны в свои владения.

Я подумал, поинтересовался.

– А... за что?

Он сдвинул плечами.

– А за все хорошее. Чтоб не лезли. И не козыряли привилегиями.

Я слушал, как сэра Смита разворачивал схему устройства первого настоящего города. Должности выборных правителей в гильдиях, союзах и цехах, а благодаря этому и в Совете, доступны простолюдинам, а вот для знати оказались фактически закрыты. Все, что осуществляется в городе, подлежит контролю Совета, в том числе и деятельность знатных родов, а вот сам Совет знатым сеньорам неподвластен.

После того как оскорбленные бароны покинули городской замок и переселились в загородные владения, обрадованные горожане воспользовались случаем и приняли закон, по которому бароны и члены их семей исключены из всякой политической жизни города. Теперь они не имеют права занимать должности в городе, а также для этих самых благородных семейств отныне существует ответственность всего знатного рода за проступки хотя бы одного его члена.

– Это уже перегнули, – сказал я пораженно, – это круто... чересчур круто!

Он сказал с чувством:

– Но зато какая свобода для простого народа!

– Да, – согласился я. – Но пока что аристократов за город, а не на фонари. И Зимний пока цел...

Он не понял, но уже привык, что говорю непонятности, ведь я паладин, мы все немножко заученные, сказал с завистью:

– Ах, сэра Ричард, в таком городе никому нет разницы: рожден ты в браке или вне...

Я смолчал, он еще не знает, как при этой свободе выигрывает вся плутократия, какие начнутся подкупы, как должности будут рассматриваться прежде всего как место, где можно вымогать взятки, как... да что там перечислять, я на это посмотрелся, а здесь посмотрятся потом, через века.

Знать, как я понял, вообще вся удалилась из города и засела в своих владениях, где у каждого рода либо замок, либо укрепленное поместье. Два таких поместья город уже уничтожил посылкой целого войска горожан, подкрепленного милицией, а остальные значительно ослабили, издав законы об освобождении крестьян.

Лишь Талботы держатся, у них крестьяне верны, как и одноштитовые рыцари. Говорят, старший из Талботов превозмог стыд и отправил гонца за помощью к могущественному роду фон Нибелунгов, с которым раньше враждовал.

К счастью, подумал я, горожанам очень здорово помогают распри между самими феодалами. Знатнейшие семейства еще не понимают, что настоящий могильник для аристократов придет именно из городов. Грызутся, стараются использовать и силы горожан, не понимают, что это уже горожане используют их, привлекая на службу часть беднейшего рыцарства.

Среди зелени садов красными налитыми яблоками пламенеют дома из обожженного кирпича, покрытые красной черепицей. Все постройки добротные, начиная от амбаров и заканчивая колодцами, народ здесь живет явно богаче, чем в той долине, из которой едем.

– Благополучие, – вздохнул сэра Смит. – Повезло...

– Только везение? – спросил я.

– По большей части, – объяснил он. – Здесь герцогство Ламбертиния, так что сюда войны не докатывались, а войска обходили стороной.

– Понятно, – сказал я. – Как называется город?

– Гемгорт.

– Столица?

– Нет, герцог в Истанвиле.

– А здесь?

– Барон Танберг. Он пользуется полным доверием герцога и, кстати, очень дружен с Барбароссой.

– Недурно, – пробормотал я.

Город приближался, но высокая стена перегородила все подступы. У распахнутых ворот на обочине за столом сидят двое, за их спиной пятеро стражников, а еще наверху в башенке над воротами поблескивают шлемы с полдюжины арбалетчиков. Я ехал впереди, один из стражников вышел на дорогу и, как патрульный на шоссе, знакомым жестом велел прижаться к обочине.

В свою очередь, я оглянулся и сделал отмашку. Я подъехал к столу, один из сидевших безучастно рассматривал толстый свиток с замысловатой вязью, какой-то писец щегольнул знанием каллиграфии, второй поднял на меня равнодушные глаза.

– Кто такие? С какой целью едете в Гемгорт?

Я ответил вежливо:

– Мы простые путники. Едем не в Гемгорт, а через него. Наша цель – возвращение с рыцарского турнира в Каталауне, который дал благородный король Барбаросса в честь бракосочетания с прекрасной Алевтиной.

Писец сказал равнодушно:

– Если в город, с каждого по серебряной монете... сколько вас?.. Если проездом – по медной. Если задержитесь не больше чем на неделю.

– Ого, – сказал я невольно, – у вас и законы... Против гастарбайтеров из Украины? Ладно, заплатим, чужие законы надо чтить... дабы чтити и наши...

Второй оторвал взгляд от бумаги, взглянул в упор.

– О каком королевстве речь?

– О дальнем, – ответил я с осторожностью. – Мир широк.

– Да, – подтвердил он медленно, – мир широк... И люди бывают разные...

Нечто незримое коснулось моей головы, словно ветерок занес вихрь мелких снежинок. Я замер на миг, перевел дыхание, стараясь не показать, что заметил прощупывание. Кто-то из этих двоих маг. Пока один отвлекает меня разговорами, другой старается прощупать мои мысли.

А вот хренушки, подумал я с мстительной радостью и заметил, как дернулся и поморщился, словно от сильной зубной боли, второй писец. Я посмотрел на него с подчеркнутым вниманием, он вздрогнул и, сложив руки на груди, смиренно поклонился. Первый вскинул брови в удивлении, торопливо кивнул стражам, чтобы пропустили весь наш отряд, даже забыв принять пошлину.

– Сэр Легольс, – произнес граф Эбергард холодно, он по-прежнему смотрел прямо перед собой, не удаляя меня взглядом. – Постарайтесь в городе держаться...

Он умолк на миг, подбирая слово, граф Мемель сказал сухим голосом царедворца:

– ...достойно.

– ...как подобает наследнику герцога, – закончил граф Эбергард.

Я увидел брешь и с удовольствием сунул в щель кинжал:

– Не понял: достойно или «как подобает»?

Граф Эбергард сказал ледяным голосом:

– Достойно, как подобает наследнику герцога, что едет получить корону герцога!

– Понятно, – сказал я. – Это значит, хватать незамужних женщин и тащить в свою постель, топтать поля крестьян в погоне за диким зверем, судить людей не по закону, а по прихоти... что еще? Впрочем, все можем перечислять долго.

Она умолкла, на бесстрастных лицах нечто похожее на замешательство, только тень, но это все равно, как если бы сэр Смит упал на землю и катался, вырывая клочьями волосы и завывая во весь голос. Наконец граф Эбергард проронил:

– Просто ни на что не реагируйте, ни в какие разговоры не вступайте.

– А если придется?

Он покачал головой.

– Не придется.

– А вдруг?

– Предоставьте все нам.

Я сказал зло:

– Все равно не понял, как мне держаться в городе? Плевать с высоты моего герцожьего седла на окружающих? Увидев молодую женщину, попытаться задрать ей подол, я же герцог, мне можно?

Граф Эбергард смотрел пристально, а граф Мемель проронил:

– Это еще не наше герцогство, здесь такое поведение может привести к большим неприятностям. Просто держитесь в седле невозмутимо, на толпу не обращайтесь. Иногда можете улыбнуться чуть устало и слегка рассеянно. Во всем остальном положитесь на нас.

– Короля играет свита, – проронил я, как он и советовал, рассеянно. – Ладно, поперли.

Простор и по эту сторону ворот, что и понятно, надо для обороны, зато дальше нас повела такая узенькая улочка, что две подводы точно не разъедутся, да и два рыцаря на закованных в броню конях тоже сцепятся стремями.

Впереди возчик настегивал коня, торопясь убраться с дороги, где изволят двигаться знатные господа, но тяжело груженная подвода попала колесом в глубокую рытвину, накренилась, мешки сдвинулись на сторону. Возчик в испуге оглянулся, нещадно стегал лошадь кнутом, та жалобно ржала, вытягивала шею и упиралась всеми четырьмя. Я видел, как напрягаются под кожей все мышцы, сухожилия едва не рвутся, однако подвода оставалась на месте.

Рыцарь, что ехал впереди, бодро выдернул меч.

– Разрешите, сэр? – воскликнул он, обращаясь к графу Эбергарду. – Это минутное дело, сейчас дорога будет чистой!

Граф Эбергард кивнул, рыцарь прищепил коня, заноса руку для удара. Я крикнул взбешенно:

– Отставить! Меч в ножны!

Рыцарь вздрогнул и моментально убрал меч, лишь тогда сообразил, что беспрекословно послушал меня, красивое лицо исказилось бешенством. Он снова бросил ладонь на рукоять меча, но его остановил твердый взгляд графа Эбергарда: неповиновение «герцогу» – преступление.

Я спрыгнул с коня, возчик поднял обреченный взгляд, изможденное лицо, усталые глаза, он простер ко мне руки и пал на колени:

– Ваша светлость, пощадите...

Я молча подошел к телеге, колесо по ступицу засело в яме, присел, ухватился обеими руками за край. Чертова подвода как будто нагружена мешками со свинцом, затрещала, начала приподниматься. Потом я сообразил, что это трещат мои кости и сухожилия. Над головой охнуло, это из окон на вторых этажах высунулись зеваки. Задерживая дыхание, приподнял еще, еще чуть, возчик все еще не опомнился, дурак, мог бы уже понудить лошадь сдвинуться с места, и я, собрав все силы, сдвинул повозку в сторону. Колесо опустилось на твердый грунт рядом с ямой.

С обеих сторон улицы завопили ликующе, силачи угодны всем, я устало перевел дыхание, потом покачал головой и сказал укоряющее:

– Люди, люди... Разве Христос не сказал, что все мы – братья? И что должны помогать друг другу?

Сэр Смит подвел меня к коню. Я взобрался в седло, чувствуя, как от перенесенной тяжести подрагивают и горят игры. На Эбергарда и Мемеля я старался не смотреть, еще успею в гостинице, наверняка не пустят в общий зал, а велят приносить еду прямо в номер.

Две женщины вышли из дома и испуганно шарахнулись при виде наших коней, но, рассмотрев, что двигаемся спокойно и никого не давим, присели в реверансе. Я учтиво поклонился. Женщины заулыбались, зашебетали, стреляя игривыми глазками, упорхнули, дробно

постукивая невидимыми под длинными юбками каблучками. Эбергард проговорил вполголоса, не двигая лицом, словно каменный истукан:

– Сэр Ричард, больше так не делайте.

– Почему? – спросил я, отметив, что сейчас он назвал меня Ричардом, явно взбешен до белого каления.

– Для вас естественно, – проговорил он так же тихо, – приветствовать публичных женщин, но... не для человека благородного сословия. – Плевать, – ответил я с твердой безмятежностью. – Лучше поклониться десяти порочным женщинам, чем не ответить на поклон хотя бы одной достойной.

Кадфаэль благодарно улыбнулся, брат паладин преподает вельможам уроки христианского благочестия и нравственности, лицо Эбергарда потяжелело, наливаясь кровью, он сказал все так же тихо, но с нажимом:

– Вы должны вести себя, как наследник престола!

– А разве публичные женщины не мои подданные? – спросил я. – Что-то у вас хреново с логикой, сэр Эбергард.

Глава 5

К утру не только горожане, но и в ближайших селах знали, что в гостинице отряд рыцарей во главе с сыном герцога Люткеленбергского, который возвращается с турнира, покрыв себя славой. Коней оседлали на рассвете, с первыми лучами солнца уже проехали под аркой городских ворот.

С полудня зеленые равнины уступили место пустыне. Пусть не с барханами раскаленного песка, но все равно эта ровная каменистая почва и есть пустыня, где даже редкие пучки трав сразу желтеют. Здесь любое растение больше думает, как вцепиться корнями в щели между потрескавшейся землей, чем о цветении или схватке с другими травами за жизненное пространство. Я уже начал привыкать к сухому стуку копыт и облаку желтой удушливой пыли, как пустыня резко сменилась зеленью, еще более пышной, чем по ту сторону этой странно выжженной солнцем области. Мы продвигались то галопом, то на рысях, я жадно озираясь по сторонам, но земля почти такая же, как и в Срединных королевствах, такие же зеленые долины, холмы, рощи, озера и речушки. Даже звери все те же, хотя тут больше таких, что должны встречаться ближе к теплым странам.

Но не только местность, даже люди и деревушки такие, больших отличий нет. И если ехать неспешно, то весь мир, наверное, можно обойти, не заметив разницы, быстро привыкая к тем крохотным и совсем незначительным изменениям, что видишь каждый день.

К примеру, в Зорре самые красивые и значительные здания – церкви, а вот в Амальфи и окрестных владениях они уже средненькие и серенькие. В Каталауне две или три церкви на весь город, а здесь, еще ближе к Югу, я вообще всего дважды видел по дороге церквушки, и обе настолько заброшенные, с высокой травой вокруг стен, что становится ясно насчет посещаемости и вообще религиозного рвения.

Но свято место пусто не бывает, это закон, просто я пока еще не увидел того, что заняло место церкви. И не думаю, что при всем неприятии церкви и любой религии меня обрадует то, что увижу.

Сэр Смит время от времени выезжал вперед, проверял, как сообщил с важностью, как несут службу эти пять молодых рыцарей, посланные графом Эбергардом в дозор. Мы с братом Кадфаэлем в его отсутствие общались на богоугодные темы. Я сам не ожидал, что с такой жадностью буду выслушивать эту чушь про бессмертие души и необходимость укрощения плоти. Видимо, в моем мире чересчур уж раскрепостились, а когда плоть так уж назойливо лезет с экранов, газет, сайтов – то возникает желание ее малость пригнуть, а подумать о чем-нить возвышенном.

Граф Эбергард и граф Мемель держались за нашими спинами, в разговоры не вступали. Для них достаточно, что на моих плечах заметный издали черный плащ с огромным золотым конем – герб рода Люткеленбергского и герцогства Пуатье. Всяк это видит, новости расходятся, и вот-вот обнаружатся те, кто желал бы не допустить до трона наследника погибшего герцога.

К полудню мы перешли вброд небольшую речушку, что отделяет владения герцогства Ламбертиния от королевства Эбберт, которым правит известный крутым нравом король Хайбиндер. Я привычно повертел головой, как будто мир здесь должен резко измениться, но дорога, не прерываясь на таможню, бежит дальше. Даже нет столба с обозначением государственной границы, что совсем уж ни в какие ворота...

Еще через пару часов увидели впереди, хоть и не прямо по курсу, очень длинный холм, а когда подъехали ближе, я понял, что это не холм, а кольцеобразный вал, будто в землю врезался тунгус почище аризонского. Мне показалось издали, что из кратера тянется цепочка муравьев, но оказалось, что множество людей выносят на спинах корзины с землей. Иногда попадаются и тяжело груженные мулы, их тащат за узду измученные люди, некоторые тоже с мешками

за спиной. Они все опрокидывали корзины с гребня, освобождали и мулов. Надсмотрщики следили, чтобы не задерживались на гребне под лучами солнца, а снова отправлялись туда, за край гребня.

Граф Эбергард мановением руки послал рыцарей, чтобы они образовали вокруг меня плотный заслон, будто с вала могут достать стрелой, хотя, конечно, если применить катапульты, то могут, но, думаю, у тех копальщиков другое на уме.

Сэр Смит поехал рядом, я поинтересовался:

– Золотишко роют? Я думал, оно только в горах...

Уголкем глаза я видел, как граф Эбергард дернулся, намереваясь что-то объяснить, но сдержался, лицо снова стало бесстрастным и надменным. Смит покачал головой.

– Нет, конечно.

– Что, и в пустынях бывает?

– Я сказал, что не золото роют.

Я сказал раздраженно:

– Знаешь, так ответь, что туману напускаешь?

Он встрепенулся, сказал виновато:

– Извините, сэр Ричард! Я просто думал о другом. Это последние земли, в которых я бывал, дальше не рисковал, так что положимся на карту... либо на графа Эбергарда с его людьми. А здесь совсем другое... Колдуны говорят, что наибольшие запасы магии скопились на большой глубине. Целые океаны магии! А тот, кто ухитрится достать хотя бы капельку, становится чародеем невиданной мощи. Потому и стремятся в самые глубокие ущелья, чтобы там еще и пробить колодец поглубже, ибо магию можно добывать только ночью и только в полнолуние.

Я подумал, кивнул.

– Ну, это понятно.

Он насторожился.

– Вам что-то известно об источниках магии?

– Ничего, – признался я честно. – Просто понимаю, почему именно в полнолуние. Ты ведь не знаешь, почему возникают приливы и отливы на морском берегу? И рассказывать не буду, не поверишь.

Огромный вал кратера начал сдвигаться в сторону, мы увидели, что и с этой стороны на гребень поднимаются крохотные отсюда, как муравьи, полуголые люди и вываливают из корзин землю. На прожаренных солнцем склонах она выглядит мокрыми потеками, что сразу же высыхают, превращаясь в оранжевый песок.

За моей спиной граф Эбергард сказал встревоженно:

– Кем бы ни был этот правитель...

В ответ донесся голос графа Мемеля:

– Почему правитель?

– А кто сумеет заставить трудиться столько народу? Там не меньше пяти сотен!.. Одни углубляют колодец, другие достают землю, третьи вытаскивают на гребень... Либо какой-нибудь герцог, у графа или барона не хватит свободных людей, либо могучий колдун, что ухитрился поднять из могил людей и заставить их работать...

Я повернулся в седле. Они сразу же прервали разговор и посмотрели на меня со смесью почтительности, ведь я «сын герцога», и раздражением, мол, тебе волам хвосты крутить, а не носить на плечах драгоценный плащ благородного человека столь высокого ранга.

– А просто богат? – предположил я мирно. – Ну, банкир, мультимиллионер... Ладно-ладно, это я пошутил. Время плутократов еще не пришло, понимаю. Но если бы я вздумал искать подземную энергию, я добрался бы до нее в сто раз быстрее.

Оба графа надменно промолчали, а сэр Смит воскликнул с подозрением в голосе и проблесками неистовой веры:

– Как?

– Знаю места, – ответил я самодовольно, – где сразу миль на двадцать ближе к недрам, чем вот эти несчастные.

Сэр Смит воскликнул:

– Где же такие глубокие ущелья?... Этого просто быть не может!

– Почему?

– Святая церковь говорит, что на глубине в десять миль уже располагается ад! Кадфаэль, подтверди!

Кадфаэль возвел очи к небу, вздохнул и промолчал. Я подумал, пожал плечами.

– В некоторых местах, думаю, он и ближе к поверхности. Однако я знаю такие места...

Он расспрашивать не стал, я тоже умолк, не стану же о том, что любая планета, которая вращается, в области экватора расширена, а в области полюсов сплюснута? Хотя Земля вроде бы и не жидкая, но это кажется лишь тем, кто ходит по твердой почве и не забивает голову грамотой, а на самом деле вся эта твердь не толще, чем тончайшая пленка на кипящем молоке. Так вот человек, который встанет на Северном полюсе, окажется к центру Земли на сорок километров ближе, чем тот, кто стоит на экваторе. И тот, что стоит на Южном полюсе, конечно.

Неожиданно я задумался всерьез, но ведь тогда получается, что самые могучие источники энергии как раз в самых северных землях? На полюсе?

А из этого вытекает второй вопрос: знают об этом на Юге или не знают?

Если знают, почему не попытаются завоевать, захватить те земли? Или хотя бы небольшие участки земли?

Или... не могут?

Мы уже достаточно удалились от кратера, я оглянулся, солнце опускается, по равнине побежали тревожные красноватые тени, только кратер сверкает в закатных лучах ярко, словно исполинский ошейник из пылающего железа.

– А как получают саму магию? – поинтересовался я. – Достаточно просто опуститься и впитывать фибрами?

Графья промолчали снова, не снизошли, а сэр Смит, как мой вассал, с удовольствием просветил сюзерена:

– У каждого колдуна есть амулеты. Хотя, конечно, существуют легенды про особых людей, которые могут впитывать магию и без амулетов. Но даже им проще набирать амулетами и талисманами.

Я снова оглянулся на кратер. Нижнюю часть затопила тень, лишь верх блистает, как гигантское кольцо. Люди появляются на гребне, как блестящие пылинки, тут же гаснут, уходя назад в кратер.

– А что, в самом деле можно вот так заставить работать мертвых?

Он кивнул.

– Да, но не здесь.

– Почему?

– Здесь сжигают покойников. Может быть, потому, что слишком часто поднимали и заставляли что-то делать? Не знаю. А вот в землях фримлингов, говорят, мертвых вообще не закапывают в землю, а заливают особым воском и оставляют в подземных склепах.

Я перестал оглядываться, лишь отложил на дальней полочке в мозгу насчет этого вот кратера, глубинной магии и северных областей. Кто знает, может быть, когда-нибудь сам воспользуюсь. Знание – сила. Все-таки есть какая-то польза, что ходил в школу. Правда, большую часть знания все-таки нахватал из фильмов, рекламных брошюр, новостных рассылок, Интер-

нета и даже анекдотов. Как сказал великий Ницше: кто не хочет умереть от жажды – должен научиться пить из всех стаканов.

– Магическую мощь получают, – спросил я, – только вот таким образом?

Брат Кадфаэль вздохнул, глянул укоризненно и, прищипорив мула, унесся к дозору. Сэр Смит с сочувствием посмотрел вслед.

– Хороший парень... Пошел бы лучше ко мне в оруженосцы, я бы из него со временем даже рыцаря бы сделал. Да, так вот, сэр Ричард, искусство магии хоть и нечестивое, но весьма старое, а раз старое, то корни и ветви пустило во все стороны. Что значит, чем только эту магию не получают! Вот будем проезжать мимо Черной Башни... не знаю, почему ее так называют, все клянутся, что она из простого серого камня, сам я ее не видел, так вот там обитает некий Идульций. Он уже много веков не показывается из нее, никого не трогает, истязает себя аскезой, а, как известно, аскеза дает человеку огромные силы. Этот маг не прерывает свое служение ни на час вот уже восьмое столетие, и мощь его уже такова, что он может одним словом обратить эти горы в пыль, но он добивается еще большей мощи. Об этом знают немногие, простому народу безразлично, что делают маги, но сами маги с беспокойством напоминают правителям, что однажды Идульций все-таки выйдет из башни, спустится с гор... И что он возжелает совершить?

К нашему разговору прислушивались рыцари, некоторые подтянулись совсем близко, один осмелился пустить коня справа от меня, где раньше ехал Кадфаэль, перекрестился и сказал благочестиво:

– Меня зовут Дилан, сэр. Симеон-столпник, что сорок лет простоял на столбе, мог поднимать и умирять ветер. А когда нас застала в походе черная буря, он остановил ее одним словом!.. Мы так и шли через стену черного песка, что висел в воздухе, словно приклеенный, а когда вышли к городу и оглянулись, песок рухнул, и мы увидели, что на месте высоких деревьев торчат одни верхушки!

– А Фегоний? – вспомнил другой рыцарь. – Когда шла великая битва с неверными, мы начали побеждать, неверные дрогнули и обратились в бегство, но тут настала ночь... и Фегоний зажег второе солнце. Мы, воодушевившись, гнали и рубили проклятых еще с десятков миль, пока не попадали без сил.

Сэр Смит поинтересовался:

– Но почему тогда поход окончился неудачей?

Дилан вздохнул.

– Как раз из-за победы. Мы взяли такую богатую добычу, что за каждым воином тащилась телега с трофеями, а за каждым рыцарем – целый обоз. Мы нахватили прекрасных пленниц, а там, скажу вам, были такие штучки, что способны разжечь огонь даже в чреслах нашего престарелого монарха... Ну, началось веселье, а Фегоний – пророк вспыльчивый, злой, нетерпеливый. Стал обвинять рыцарей в забвении целей похода, а потом махнул рукой, укрылся плащом и... пропал.

– И что, не могли объяснить...

– Да объяснили бы, – прервал Дилан с досадой. – Мол, отдохнем чуточку, и снова в поход! Мы не можем идти без усталости, должны останавливаться на отдых. Ну, а на отдыхе...

– Ну да, отдых есть отдых.

– На отдыхе мы другие, – подытожил Дилан, – чем в походе.

У запорожских казаков, вспомнил я, во время похода любому казаку, что выпьет пусть чарку водки, сразу же казнь на месте. А после похода хоть залейся, как будто это уже совсем другие люди. Кошевые атаманы понимали гнусную природу человека, что не может слишком долго быть чистым, ему надо время от времени валяться в грязи, вот и узаконили, когда пьянствовать можно, а когда обязаны быть во всем «лыцарями».

Смит оглянувшись, лицо расплылось в счастливой улыбке.

– Какой умный пес! Все понимает...

– Что понимает?

– Смотри, какого оленя прет! Как только и задавил? А несет как, а? Будто цыпленка!

Намекает, что пора остановиться.

Граф Эбергард подъехал, сказал строго:

– У нас есть ветчина, не говоря уже о сыре и хлебе.

Сэр Смит всплеснул руками.

– А олень? Вы посмотрите, какой огромный, хоть и молодой! Я как-то не привык есть сырое мясо... А вы?

Граф Эбергард сказал с так раздражающим меня высокомерием:

– Костер заметят сразу. Разве этого добиваемся?

– Можно развести в яме!

Граф Эбергард не смотрел на меня, но я ощутил его молчаливое желание, чтобы я вмешался, ведь сэр Смит – мой вассал, не подчиняется даже королю по знаменитой формуле «вассал моего вассала не мой вассал», и я сказал с неохотой:

– Сэр Смит, должен заметить, что граф Эбергард на этот раз как ни странно, но прав... хоть и граф. Нам придется пообедать холодной ветчиной и вообще тем, что осталось. Доберемся до города, там отведем душу.

Сэр Смит проворчал с тоской:

– Когда еще доберемся! А ночь вот уже вот-вот...

– А как же насчет романтичности ужина у костра? – спросил я. – Что вы все рветесь в эти душные запыленные города? Так хорошо на природе...

Добрались до реки Тихой, в самом деле, очень спокойной и настолько мирно несущей свои воды к морю, что поверхность кажется зеркальной. Даже ветер не мог поднять волны или вздыбить гребешками, вода не плещется о берег, а стоит тихо и неподвижно, словно не река, а озеро.

С той стороны заливные луга, где-то на полмили, а дальше тот самый зачарованный лес, о котором местные рассказывают столько жутких сказок, однако же рубят в нем деревья, правда, на опушках, бабы собирают грибы и ягоды, с берез сбивают наросты целебной чаги, углежог жгут в подземных ямах целые стволы, и страшный зачарованный лес отступает под натиском самого лютого зверя, двуногого.

Граф Эбергард велел почаще поднимать повыше стяг с изображением золотого вздыбленного коня, пусть все видят и запомнят, однако торопил, мы ехали иной раз до полуночи, благо полнолуние, на ночлег останавливались на три-четыре часа, а затем снова весь день то рысью, то галопом.

Долина стала каменистой, сперва в том смысле, что копыта застучали по камням, затем на этой ровной как стол поверхности стали попадаться округлые валуны, сперва размером с окаменевшие яйца динозавров, затем с баранов. Потом мы проезжали мимо таких валунов, задирая головы, не понимая, почему такие круглые, почему исчезла мелочь, а продолжают нарастать размеры, пока они не стали высотой с трехэтажный дом, продолжая сохранять округлую форму.

Сэр Смит начал креститься едва ли не чаще, чем брат Кадфаэль, этот же спокоен, ибо все в руке Божьей, и если такое создал, значит – нужно. Или было на тот момент нужно, а теперь осталось.

– Зачем осталось? – спросил сэр Смит нервно.

– Для напоминания о мощи десницы Божьей, – сказал Кадфаэль нравоучительно.

Я неожиданно обнаружил, что одна из гемм, какая – не врубился, усилила действие копалки. Обнаружил случайно на привале, когда отлучился от костра за высокие зеленые

кусты. В амулете тихонько щелкнуло, словно раскололся лесной орех. Я ощутил, как он качнулся на веревочке, чего раньше не случалось. Я взял в ладонь, опустил, само собой подумалось, что у меня вроде бы еще с десятков золотых монет в карманах, да два десятка защиты в седло вместе с драгоценными камешками, хватит, не надо жадничать...

Амулет подрагивал в ладони, ничего не происходило. Очень медленно я ощутил, что там на большой глубине есть золото. На гораздо большей, чем раньше нащупывала копалка. Его можно оставить там, а можно и принудить подняться к поверхности.

Подняться, сказал я. Велю подняться. И тут же амулет похолодел, словно в ладони у меня льдинка, впрочем, держать в эту жару даже приятно. Я застыл, прислушиваясь к ощущениям. Смутно, очень смутно, но как будто копалка отсчитывает на своем копальем языке исчезающих программистов пройденные дюймы, футы, а может быть, и ярды. Или те, которые остались до поверхности.

От костра Дилан крикнул жизнерадостно:

– Сэр Ричард, с вами все в порядке?

Кто-то гоготнул, другой голос сказалул скабрёзность, я ответил строго:

– Я здесь медитирую, не учи.

У костра разгорелся спор, что это такое, пошли самые разные предположения, а я терпеливо ждал, чувствуя, как закопанный неведомыми народами клад медленно поднимается к поверхности. Что закопан давно, понятно уже из того, что сокровища закапывают в самых приметных местах, обычно у дороги. Причем хорошей дороги, по мелким тропкам ходят мелкие разбойники, у них и запросы маленькие, и добыча крохотная. А здесь на мили в любую сторону дремучий лес, вековой лес, по всем летописям здесь лес был всегда...

Земля зашевелилась, словно на поверхность спешно выбирается крупный крот, я торопливо опустил ладонь с амулетом на разрыхленную почву и ощутил, как там, разбрасывая комья, поднялся холодный металл и прижался к ладони. Странной формы посуда, скорее походит на кастрюлю, чем на привычный горшок или кувшин, только эта кастрюля сделана с таким изяществом, что сама по себе уже произведение искусства. Крышка залита чем-то наподобие воска, но не воском. Я вытащил нож и расковырял все печати, на меня колдовство не действует, осторожно приподнял крышку, на всякий случай отклонившись в сторону, вдруг что выпрыгнет, мало ли какие защиты от дураков.

Из кастрюльки вырвался искрящийся столб радуги, снизу в растопыренные ветви ударил радостный ликующий свет. Я с недоверием смотрел на россыпь драгоценных камней, отказываясь верить, что это всего лишь камешки, которые дурные бабы вставляют в уши, кольца и вешают на шею.

От костра донесся испуганно-восторженный вопль:

– Сэр Ричард!.. Что это?

– Всем оставаться у костра, – велел я. – А то вдруг рванет... В смысле, я, как паладин, еще могу справиться, а вас божественным огнем сожжет! Ко мне могут приблизиться только безгрешные. Этих я сам призываю приобщиться к благодати.

У костра все разом затихло, никто не сдвинулся, а я осторожно потыкал в драгоценности пальцем, потом с опаской взял один камешек в руки, покатал на ладони, посмотрел через него на заходящее солнце, хотел было лизнуть, чтоб уж совсем быть похожим на папуаса, увидевшего электронные часы, но вспомнил, что никто не видит, можно не играть на публику и не делать вид, что понимаю что-то в этой хрени, запустил лапу поглубже и обнаружил на дне кастрюльки несколько золотых монет.

И хотя таких никогда не видел, морды и гербы просто совсем как будто не людьми сделанные, но ощутил внезапно нечто вроде грусти. И здесь всего лишь золото, всего лишь драгоценности. Нет чтобы спрятать электронный микроскоп или мобильник. Но люди во все времена

и эпохи прячут золотишко и камешки. Неудивительно, что все эпохи заканчиваются всемирными катаклизмами, а потом все сначала, все сначала...

Когда я, пересыпав драгоценности и золото в сумку, вернулся к костру, на меня смотрели вопрошающими глазами.

– Что это было, сэр... Легольс?

– Разговаривал с Богом, – ответил я.

Ответом было ошарашенное молчание, на раздувшуюся сумку у пояса тоже посматривали, но я молчу, а задавать прямые вопросы весьма некуртуазно.

Эбергард поинтересовался почтительно:

– И что он сказал?

– Что веют ветры, – ответил я невесело, – и все возвращается на круги своя... И только мы способны этот порочный круг разорвать.

– Как? – спросил юный Дилан.

Они все смотрели серьезно и с ожиданием. Я молчал, не зная, как объяснить, что для этого надо перестать прятать золото и драгоценности. Что это вовсе не драгоценности, что это вообще не ценности. Только тогда вырвемся из этого повторяющегося цикла катастроф, когда примем другие ценности.

Правда, сам я спрятал, мне – можно.

Справа и слева проплывают, слегка покачиваясь, островки темно-зеленых елей, трава по обе стороны дорожки светло-зеленая, низкая. Временами поднимаются метелки ярких цветов, там жужжат толстые шмели, порхают бабочки и даже бомбардировочно грозно гудят металло-спинные жуки.

Иногда совсем рядом с конскими копытами блестят гладью небольшие озера с густой синей водой. Дорога все поднимается, а далеко впереди, временами заходя то вправо, то влево, грозно сверкает белыми вершинками горный хребет. Селенья попадают, однако, с той же регулярностью, хотя здесь, по словам Кадфаэля, ночами бродят упыри, а днем охотятся беспощадные крыланы. Но люди упорно не желают покидать эти места: то ли сумели приспособиться к жестоким условиям, то ли полагают, что свобода от налогов и повинностей стоит любых напастей от чудовищ.

К вечеру небо стало лиловым, только на западе остается пурпурным. Кое-где прорывается сквозь застывающую корку настоящее кипящее золото, настолько яркое, словно этот багровый закат заслоняет от нас огромное на полнеба солнце. Впереди жутко и страшно, словно создание дьявола, поднимается одинокое черное дерево, даже не дерево, а угольно-черный силуэт, грубо вырезанный из этого цветного занавеса.

Конские копыта стучат негромко, дерево приближается и становится все более грозным: исполинское, с толстым стволом, который на небольшой высоте раздвоился, а обе половинки, в свою очередь, выбросили вверх и в стороны такие могучие ветви, что центрального ствола уже просто нет. Земля черная как деготь, луна еще не взошла, а если и взошла, то скрывается за фиолетовыми и пурпурными облаками, небо же с трудом освещает только себя.

Дерево разрослось, закрыло половину мира, мы услышали шелест листьев, не такие уж и голые ветви, а между корней блеснул небольшой родник. Смит сразу же начал распоряжаться насчет ужина, но рыцари слушали графа Эбергарда. Впрочем, Смит даже не подумал обидеться, субординацию понимает, принял из пасти Пса пойманного зайца, толстого, как откормленный в монастыре кабан, тут же начал его разделявать и пластать мясо для поджаривания.

Кадфаэль вытащил молитвенник и углубился в чтение, сэр Смит отлучился ненадолго и принес полный шлем крупных красных ягод, похожих на землянику, только намного крупнее. Пес снова исчез, принес небольшую молоденькую козу, может быть – газель или антилопу, но

все равно – козу, а немного погодя ухитрился откуда-то приволочить огромную рыбину. Она продолжала отчаянно вырываться и хлестать хвостом даже не по морде, а по бокам.

Он бросил ее Смиту на колени, отпрыгнул и стал с интересом следить, как рыцарь дерется с рыбой.

Всю ночь над нами вскрикивали жуткими голосами совы, в лесу были волки, дважды вздрогнула земля, будто некий крупный зверь ломился сквозь земные пласты, как лось через кустарник. Я сразу подумал про индрика, что растет всю жизнь, но индрики, как говорят, опускаются всю глубже и глубже, а наверх им путь закрыт...

Во сне я скакал на коне, летал под облаками и даже выше, любуясь ровной, будто заснеженной поверхностью, а когда опустился на землю, глаза сами начали шарить в поисках самок, и тут же услышал тихий женственный смех.

– Наконец-то обо мне вспомнил?

Она вышла прямо из пространства, я протянул руки, она не противилась, никогда не противится, только спросила:

– Зачем так далеко забрался?

– Дела, – ответил я. – Как там наш малыш?..

– Растет, – ответила она счастливо. – Я впервые перестала завидовать людям.

– Где он сейчас?

– Исследует...

Она что-то говорила еще, но рев крови в ушах заглушил. Я жадно мям ее в руках, сладостное чувство встряхнуло так, что мир задрожал и начал расплываться. Санегерия звонко чмокнула в щеку, я ощутил под собой грудку веток, брезгливо подвигался и заснул снова.

Когда раскрыл глаза, солнце уже наполовину высунулось из-за края земли. Вся наша верхушка у костра, рыцари проверяют коней: осматривают копыта, бабки, потертости, передвигают ремни, кто-то опустился на пень и с зубодробильным вжиканьем мерно водит точильным камнем по лезвию меча. Искры при каждом движении летят длинные, злые, а от звука ноют не только зубы, но и кости во всем теле.

Глава 6

Небо в длинных белых полосах, некоторые пытаются свернуться жгутами, но невидимый ветер растрепывает, остальных вытягивает в струнку. Зато внизу под золотыми лучами солнца трава из зеленой стала золотой, а деревья так и вовсе оранжево-красные, пурпурные, багряные.

Выглянули красные черепичные крыши, деревня небольшая, но прежде открывающихся домов мы увидели стада тучных коров, овец, поверхность небольшого озера вся закрыта несметным количеством гусей и уток, по берегам козы щиплют траву и, встав на задние копыта, достают нижние ветви деревьев.

Смит потер ладони, усы приподнялись, глаза заблестели.

– Давненько я не пивал свежего молочка!

– И не таскал на сеновал деревенских... – добавил Дилан.

Кадфаэль укоризненно вздохнул, а ехавшие впереди три рыцаря вдруг остановили коней и обнажили мечи. Эбергард сразу напрягся, велел строгим голосом:

– Дилан, Мейнард – вперед!.. Сэр Смит, оставайтесь с сэром Легольсом.

Через пару минут мы увидели, как со стороны ближайшего села в нашу сторону бегут мужчины с топорами в руках, вилами, косами, даже просто кольями.

К тройке рыцарей подъехали Дилан и Мейнард, тоже обнажили мечи. Могучие, в блестящем железе с головы до ног, на огромных боевых конях, они выглядят несокрушимыми, даже простые ратники должны дрогнуть при их виде, однако вооруженная толпа перла осатанело, солнце сверкает на обнаженном оружии, я услышал крики:

– Бей инквизиторов!..

– Руби!..

– Смерть церковникам!..

– Убейте всех!..

На лице Эбергарда холодное презрение, я быстро посмотрел по сторонам, по обе стороны дороги глубокие канавы для отвода воды, дальше за селом каменистая местность, и в тот же момент, словно прочитав мои мысли, Эбергард крикнул:

– Вперед!.. Не останавливаться.

Передняя тройка пустила коней сперва шагом, затем копыта застучали чаще, всадники начали наклоняться к развевающимся гривам. Толпа налетела, как грязная вода. В руках рыцарей засверкали мечи. Мы тоже пустили коней в галоп, передняя пятерка почти не замедлила бег коней, хотя под копытами исчезают вопящие люди. Мы, в основной группе, тоже обнажили оружие и отмахивались от наседающих с боков, пока впереди не открылась чистая дорога.

Я оглянулся, позади в лужах крови десятки раненых и раздавленных, остальные в злобе и растерянности потрясают оружием на обочине, посылают проклятия вдогонку.

Сэр Смит с брезгливостью стряхивал меч, с блестящего лезвия срывались красные капли.

– Что у них за головы... Ведь плашмя же бил!

Эбергард спросил с холодным презрением:

– Откуда такая слюнявая жалость?

– Благородный меч не хотел поганить, – огрызнулся Смит. – Вам проще, сэр Эбергард, у вас не меч, а железка.

– Ну-ну, – сказал Эбергард предостерегающе, – не задирайтесь, сэр Смит... Сэр Легольс, в следующий раз не выдвигайтесь так опасно. Больно конь у вас резвый. Одно время я опасался, что ринетесь в бой...

Сэр Смит хмыкнул и посмотрел на Эбергарда с таким презрением, что у него должна бы вспыхнуть и превратиться в пепел вся шкура. Я оглянулся еще раз, оставшиеся на ногах наклонялись над распростертыми, переворачивали, кого-то поднимали.

- Непонятно... Видно же, что не было шансов даже остановить нас!
 - Дураки, – ответил Смит с невыразимым презрением. – Сказано, земляные черви.
- Эбергард заметил холодно:
- Возможно, им заплатили не за это.
- Смит насторожился.
- Заплатили?
 - И очень щедро, – добавил Эбергард.
 - А за что, позвольте поинтересоваться?

Спрашивал он ехидно, но я видел, что для себя уже давно признал Эбергарда как неизмеримо более высокого, чем он сам, по части понимания окружающего мира.

– Например, – сказал Эбергард и указал одними глазами в мою сторону, – кучу золота за голову сэра Легольса. Чуть поменьше – если сумеют ранить. Еще меньше, но достаточно, чтобы разбогатеть, если хоть кого-то из наших убьют или ранят, все же наш отряд станет более уязвим. Ну, а за простое нападение – тоже неплохая сумма, чтобы рискнуть шкурами. Заодно этот наниматель проверил нашу боеспособность.

Он говорил холодно, ровным голосом. От его спокойствия мне стало нехорошо, словно из-за каждого кустика за нами наблюдают полные ненависти глаза.

Я поерзал в седле, взгляд прошерстил придорожные кусты, уперся в приближающуюся стену леса.

С полудня дорога прошла у подножия приземистого, но довольно высокого холма, на вершине развалины замка, как сказал Эбергард. Сколько я ни присматривался, замок вроде бы вполне целый, только не трепещут над башнями флажки, не поднимается дым от печей.

– Там никто не живет, – объяснил Эбергард. – Вот уже пару сот лет. Потому и руины.

Я все оглядывался, замок поворачивается, как игрушка на горке, вполне целый, добротный, построенный умело, со старанием. Рядом простучали копыта мула Кадфаэля, монах осеял здание крестным знаменем, губы часто-часто шевелились.

Прислушавшись, я услышал:

– Господь, твердыня моя и прибежище мое, избавитель, Бог мой...

– Хорошие слова, – одобрил я. – Кадфаэль, а почему никто не заселяет?

Он перекрестился.

– Брат паладин, это плохой замок.

– Чем?

– Не знаю. Но здесь, как видите, никто и близко не селится.

– Ладно, – ответил я с сожалением, – до всего руки не доходят. А как бы пошарить и в этих стенах... И вообще мимо каких мест я прошел, даже не заглянув! Убить себя готов.

– Прежде чем войти, – проговорил Кадфаэль, – подумай, нужен ли ты здесь?

– Прежде чем что-то сказать, – вмешался сэр Смит, – подумай, а потом промолчи.

– Сэр Смит, – сказал я с неудовольствием, – вам с вашей задиристостью уже прогулы на кладбище ставят.

Он довольно улыбнулся, пальцы залихватски подкрутили ус.

– Рыцарь должен уметь давать сдачи!..

– Так у нас не драка, – пояснил я. – У нас мирная богословская беседа о непознанном, о кознях дьявола...

Смит громко захохотал, привлекая внимание рыцарей.

– Нет никакого дьявола! – объявил он с удовольствием. – Это Бог, когда напьется.

Далеко впереди тройка рыцарей придержала коней. Дилан обернулся и махал рукой. Эбергард помрачнел, а граф Мемель тихонько выругался.

От села в сторону дороги быстро двигалась серая неопрятная масса. Я различил множество бегущих людей, а когда подъехали ближе, рассмотрел в их руках топоры, дубины, палицы, колья.

Смит воскликнул в великом удивлении:

– Они что же... вперед нас добежали?

– Не паясничайте, – бросил Эбергард раздраженно. – Это другие. Мечи к бою!.. Следите, чтобы не поранили коней!

Толпа высыпала на дорогу, когда мы начали разгонять коней. Некоторое время там стояли стеной, я услышал истошные крики:

– Антихристы!..

– Антихристы едут!

– Бей антихристов!..

– Не позволим...

В последний миг бросились в стороны, но успели не все, рыцарские кони, несмотря на тяжелый вес, развивают скорость просто непомерную. Под копытами крик, вопли, хруст костей, наши мечи рубили наконечники копий и кос. Внизу мелькали, исчезая, перекошенные ужасом лица и выпученные глаза, затем вопли остались позади, истончились и пропали.

Оглянувшись, я снова увидел убитых и раздавленных на дороге, уцелевшие бросились им помогать, поднимать на ноги.

Эбергард быстро оглядел всех:

– Целы?..

Дилан ответил как бы с обидой, но и с некоторым хвастовством:

– Ну что могут сделать простые мужики?

– Могли поцарапать коней, – напомнил Эбергард.

Сэр Смит тоже оглядывался, вертел головой, глаза круглые, только что челюсть еще на месте, но и то видно, что удерживает от повисания, подобно шагающему экскаватору.

– Так мы антихристы или же, напротив, святая инквизиция?

Дилан предположил наивно:

– Что-то перепутали? Это же простолюдины!

– Они правую руку от левой ноги не отличат, – сказал сэр Смит с невыразимым презрением. – Верно, сэр Ричард?

Я смолчал, не рассказывать же о манипуляции общественным мнением, тем более – целевыми группами. Здесь, конечно, не лобовое манипулирование, а наемничество, но для усиления эффекта нужно, чтобы верили, будто бьются за правое дело. Так, кстати, и дешевле, и боеспособность выше.

– Кукловода бы поймать, – сказал я.

Эбергард взглянул остро.

– Темного монаха?

– Мне цвет не важен, – ответил я, – я демократ, не терплю расизм и негров. Но всех этих дураков зомбируют... не в прямом смысле, очень умелые люди. Пока они живы и на свободе, дураки будут вот так же сбегаться к нашей дороге.

Эбергард подумал, пожал плечами.

– Это несущественно. Во-первых, у нас очень быстрые кони. Во-вторых, что важнее, к нам сразу потеряют интерес, когда узнают, что вы вовсе не тот, за кого себя выдаете. А вообще... в чем-то вы правы, сэр Легольс. Полагаю, в третьем селе нас ждет что-то подобное. Потому нам стоит сделать некий зигзаг... уйти резко влево, там нет дороги, зато неплохая ровная земля, удобная для скачки. Достаточно каменистая, чтобы ее не распахивали, так что больших сел там нет. Сэр Смит, если вам нетрудно, объявите Дилану, что временно меняем курс.

На пятые сутки прошли границу королевства Эбберт, где правит сосед и соперник нашего короля Хайбиндер. Усталые кони едва поднимают морды, страшно разбухшее и побагровевшее солнце неспешно сползает к горизонту. Небесный свод раскалился и таким остался, облака вспыхнули зловещим огнем пожара. Мы начали осматриваться в поисках ночлега. Если нет поблизости села, заночуем и в лесу, как вдруг сэр Смит воскликнул предупреждающе:

– Приближается конный отряд! Пятеро рыцарей, десять копейщиков... и десять лучников.

У графа Эбергарда вырвалось восклицание:

– Наконец-то!

Граф Мемель заметил спокойно:

– Побаивались?

– Да, – обронил Эбергард. Лицо его снова стало замкнутым и высокомерным. – Представьте себе, если бы наша уловка не удалась и враги пустились бы в погоню за настоящим наследником!

– Похоже, – согласился Мемель, – что проверки закончились. Началась охота.

Оба сдержанно улыбались, верные трону служаки, счастливые принять удар на себя, пока их юный сюзерен добирается к трону. Я сдержанно фыркнул, хотя ощутил себя несколько уязвленным.

Все мы придержали коней, не следует создавать впечатление, что стараемся ускользнуть. Даже у сэра Смита не тот конь, чтобы наверняка мог уйти от любой погони, а уж мул брата Кадфаэля...

Из-за леса с дробным стуком копыт выметнулись блестящие на солнце всадники, только десять последних в кожаных доспехах, остальные в железе, кони несут полным галопом в нашу сторону. Я опустил ладонь на рукоять молота.

Всадники начали придерживать коней, все остановились шагах в двадцати, навстречу выехал рыцарь в полных доспехах, забрало поднято, я увидел суровое лицо и серые холодные глаза.

– Кто топчет землю короля Хайбиндера?

Граф Эбергард медленно выехал вперед, я молча смотрел ему в спину, признавая, что я вот так никогда не смогу: ровная спина лейб-гвардейца, безукоризненный разворот плеч, надменно-холодный вид высшего существа, доспехи сверкают так, что сразу видно высшее и самое высшее сословие, ну ни пылинки, хотя остальные вывозились как свиньи, где только и сумели.

Он остановил коня в трех шагах от вожака отряда, помедлил, я восхищенно оценил драматизм паузы, и когда терпение всадников начало угрожающе потрескивать, заговорил ровным голосом олимпийского небожителя, что снизошел до общения со смертным:

– Благородный сэр Легольс, сын герцога Люткеленбергского, гранда Кастилии, конунга Хельнурга и графа Аквании, верховного сюзерена герцогства Пуатье, возвращается с Каталунского турнира, где он стяжал воинскую славу и не посрамил свою честь... чтобы в своем герцогстве занять трон, опустевший ввиду трагической гибели его отца!

Вожак поднял руку в жесте приветствия, взгляд чуть смягчился, сзади заговорили. – Приветствую сэра Легольса и прошу принять от меня и всех нас самые искренние соболезнования... А кто остальные рыцари?

– Свита сэра Легольса, – ответил граф Эбергард с той же холодной учтивостью. – Хотя, конечно, приличия требовали свиту в несколько раз больше, но сэр Легольс ехал на турнир, а не ко двору короля Барбароссы, что оправдывает некоторые нарушения этикета.

– Да, конечно, – согласился вожак. – Я – Вильям де Гросс, помощник начальника стражи Его Величества короля Хайбиндера. Он приглашает вас провести эту ночь в его дворце. Утром

вы его покинете, если не захотите остаться дольше. Вас снабдят провизией, а сумки для коней – отборным овсом.

Сэр Смит довольно заулыбался, приятно, когда приглашает сам король, а я подумал невесело, что и захочешь – хрен откажешься. Здесь любое слово короля – закон, даже если высказано в форме самого легкого пожелания.

Вильям де Гросс поехал рядом с нами, однако его люди как бы случайно взяли нас в коробочку: едут не только сзади, но даже ухитряются проскакивать на быстрых конях с боков, хотя дорога там не очень. Зато я лишний раз убедился, что от погони могу уйти разве что я, но не мои спутники.

Стольный город короля Хайбиндера обнесен невысокой стеной, но зато охватывает город целиком, даже со стороны реки не высадиться на крутой берег, там такая же стена. Башни тоже невысокие, будто кто-то запретил строить выше известного уровня, зато башен много, идут часто, особенно много со стороны ворот.

Мы въехали, сопровождаемые любопытными взглядами простонародья. Улочки узкие, кривые, на высоте второго и третьего этажа протянуты веревки, на которых, напрочь закрывая солнце, сушится белье. Пока мы ехали, на меня несколько раз капнуло, и только на площади посветлело. На той стороне открылся дворец короля.

Сэр Смит присвистнул, глаза расширились в удивлении. Дворец, в отличие от привычных угрюмых замков, выглядит радостным и праздничным, вокруг разбит прекрасный сад, над вершинами деревьев носятся яркие, как попугайчики, дракончики размером с ящериц, часто-часто взмахивают слюдяными, как у стрекоз, крыльями. Широкая дорожка ко дворцу выложена плитами из белого мрамора, по бокам цветут яркие, сильно пахнущие цветы.

Король Хайбиндер уже ждал нас в главном зале, так мне показалось. Во всяком случае он на троне. Рядом стоят гордые оказанной честью двое молодых вельмож, видимо – сыновья. С другой стороны придворные постарше, похожи на советников. Еще десятка два вельмож в богатых одеждах под стенами, но едва мы вошли в зал и приблизились к трону, они тоже подошли ближе и взяли нас в полукольцо.

С другой стороны появился высокий и крепкий рыцарь в легких доспехах без головного убора. Я сразу признал в нем старшего сына короля, уж очень похожи все четверо: отец и трое сыновей, но этот среди братьев чересчур явно выделяется мощью и силой. Росту все три одинаковые, но только этот настолько широк в груди, с могучими плечами. И весь он из мышц, в то время как братья наверняка не все время проводят в упражнениях с оружием, когда в полных доспехах рыцари бегают с мешками камней на плечах, учатся запрыгивать на коня, не касаясь стремян, а тяжелыми топорами рубят деревянных истуканов до тех пор, пока топорище не выскользнет из ослабевших пальцев.

И все же он показался мне самым неприятным. Как раз тот случай, когда достоинства переходят в противоположность: гордясь силой и развитыми мышцами, он без нужды напрягает мускулы и вздувает грудь, на всех смотрит с нескрываемым презрением. И на нас посмотрел сперва с брезгливостью, и лишь когда измерил взглядом мой рост и ширину моих плеч, в бесцветных глазах вспыхнула ненависть.

Я старался не смотреть на него прямо, такие люди это воспринимают как вызов. Еще при посещении зоопарка нам в детстве говорили, что нельзя гориллам или медведям смотреть прямо в глаза: начнут реветь и бросаться на решетку, так вот здесь я чувствовал, что как раз тот случай.

Он стиснул губы, удлиненное лицо напряглось, а брови сдвинулись на переносице. Мне показалось, что уже выскивает, к чему бы придаться.

Я отвесил рыцарский поклон, полный достоинства и самоуважения, ведь все рыцари – братья, а король – тоже рыцарь, только старше по возрасту и рангу:

– Ваше Величество, мы счастливы засвидетельствовать вам свое уважение. Я – Легольс из Пуатье, а это сэр Смит – победитель только что закончившегося турнира в Каталауне... это брат Кадфаэль, миссионер веры Христовой. Остальные – моя свита, столь необходимая для путешествий.

Король наблюдал за нами из-под сдвинутых бровей. Глаза поблескивали, как кусочки кварца в пламени множества свечей. Придворные благовоспитанно молчали, король проронил после паузы:

– Мы что-то слышали об этом турнире. Король Барбаросса снова женится?

– Уже женился, – сообщил я. – У него прекрасная, милая жена.

Он фыркнул.

– Он принудил короля Джона отдать ее!.. А у короля Джона были насчет ее другие планы.

Придворные кивали, а старший сын короля стиснул кулаки и нахмурился. Я смотрел, как он багровеет и еще больше, чем отец, наливается яростью, снова поклонился и сказал дипломатично:

– Что сделано, то сделано. Могу сказать, что говорят все: король Барбаросса выиграл от этой женитьбы!

Хайбиндер некоторое время жевал губами, словно намеревался то ли плюнуть, как верблюд, то ли выругаться как можно более смачно, но вовремя вспомнил, что он король, а не вожак шайки голодных баронов.

– Вам покажут ваши покои, – сказал он наконец. – Принесут помыться, потом ужин в малом зале. Надеюсь, к утру вы снова будете полны сил и отваги.

– Благодарю, Ваше Величество, – ответил я с легким поклоном, почтительным, но не чересчур, все-таки я теперь герцог, а не хрен собачий, от герцога до короля всего один шажок, так что все путем.

Спину мне сверлил взгляд графа Эбергарда, а когда король небрежным взмахом отпустил нас, я фибрами ощутил неслышный вздох облегчения. Мол, как бы этот свинопас не стал хлопать короля по плечу и приглашать пойти смотреть свиней.

Нас отвели в просторные и хорошо меблированные покои, где мы долго смывали пот и грязь, затем явился один из придворных и, рассыпаясь в учтивостях, пригласил к ужину.

Зал поражал размерами и великолепием, я снова подумал, что Север – все-таки захолустье, а чем ближе к Югу, тем богаче земли и краше города. Столы ломаются от обилия жареной дичи, быстрые слуги вносят кувшины и на ходу откупоривают, по всему залу разносятся волшебные ароматы тонких, изысканных вин.

Король вошел в другую дверь в сопровождении сыновей и придворных, кивнул нам и указал жестом на места за столом напротив своего кресла с высокой спинкой. Сам он уселся с некоторым кряхтением, возложил толстые руки на вытертые до блеска широкие подлокотники. Сыновья сели справа и слева, стоять остались только двое вооруженных воинов и человек в одежде священника, но что-то он мне священником не показался.

Его Величество изволило отрезать себе целую ногу ягненка, моментально десятки рук потянулись к блюдам, заблестали ножи, распарывая бока жареным оленям, козам, гусям, отхватывая куски парующего мяса.

Глава 7

Старший сын короля хохотал громче всех, но иногда без причины грозно хмурился, стучал кулаком по столу, и все вокруг испуганно умолкали. Я уже знал по разговорам, что зовут его Иервен, он водил армию короля на соседей и выиграл два важных сражения. Кроме того, он лучший боец королевства. И если бы у него было время принять участие в этом, как его, Каталаунском турнире, то он всех в одиночку согнал бы, как стадо овец, и пригнал в загон для пленных.

Сэр Смит вскипал, ладонь дергалась к рукояти меча, я тут же останавливал. Граф Эбергард смотрел то на сэра Смита, то на меня. В холодных глазах я ничего не мог прочесть, но, думаю, ему самому очень не хотелось бы каких-либо осложнений.

Король, разделавшись с половинкой ноги ягненка, сыто рыгнул и обратился ко мне:

– Сэр Легольс, еще раз приношу соболезнования по случаю гибели вашего отца... но это лучший путь для воина, чем закончить жизнь дряхлым стариком в постели... однако каковы ваши планы теперь? Вы вступите на трон, на вашу голову опустится корона герцога, а вместе с нею и обязанности. Готовы к такой трудной роли?.. Ведь некоторые своевольные бароны обязательно постараются воспользоваться случаем... и как-то освободиться от вассальной зависимости?

Я слегка поклонился.

– Да, Ваше Величество, мне придется трудно. Но у меня два мудрых наставника, граф Эбергард и граф Мемель, вот они... и все, что я говорю и делаю, это вложено в меня ими. Если я наделаю глупостей, то народ пусть их побьет камнями, я сейчас то, чем они сделали меня.

Король повел налитыми кровью глазами на Эбергарда и Мемеля, оба по-прежнему невозмутимые, но я со злорадством ощутил, насколько я их уел и обеспокоил.

– И все же, – поинтересовался король, – каковы ваши первые шаги?

– Буду обустривать герцогство, – ответил я. – Посмотрю, можно ли снизить налоги, это вызовет оживление экономики и приток инвестиций. По крайней мере, так говорили мои наставники. Потом проеду с инспекцией по границе, надо осмотреть крепости на проблемных участках. Проведу инвентаризацию рудников, надо же понять: дешевле самим производить оружие или покупать на стороне?

У короля брови взлетели на середину лба, челюсть отвисла, смотрит так, будто пытается залезть взглядом мне в череп, граф Эбергард вообще перестал есть, а граф Мемель – дышать, и в этой тишине Иервен фыркнул и сказал громко:

– Дурость!

Король повернул голову.

– О чем ты, сын мой?

Иервен сказал еще громче:

– Дурость насчет снижения налогов. С простолюдинов можно драть хоть семь шкур, они тут же отрастят восьмую. И не проверять крепости надо, а вооружать армию и двигаться на соседа! Что есть выше воинской доблести? Что есть слаже, чем одержанная в бою победа?

Сэр Смит грозно сопел и рвался возразить, я придержал его за локоть и шепнул, что на провинциальных дурней обращать внимания не стоит. Граф Эбергард с тревогой следил за моим лицом, стараясь понять, на что я подбиваю своего единственного вассала.

Король сказал примирительно:

– У правителя больше забот, чем у полководца. Тому нужно следить только за армией, а правитель отвечает и за цены на зерно или шерсть. Юный герцог Легольс уже сейчас начинает ощущать груз забот на своих неокрепших плечах...

Иервен сказал надменно:

– Я не вижу доблести в том, чтобы ехать сейчас в свое крохотное герцогство и начинать заниматься стрижкой овец, когда все рыцари Честера и Марешаля собираются под знамена своих королей!.. Валинг уже подступил к границам графства Итрурия, и все способные носить оружие должны принять в этом побоище участие!

Я сдвинул плечами.

– Это не наша война.

Иервен вспыхнул.

– Это речь труса! Настоящий мужчина не может проехать мимо армий, что намереваются вступить в бой.

– А что он должен сделать? – спросил я скептически. – Я не гожусь в миротворцы. Это разве что архиепископ...

Его лицо покраснело от гнева.

– Кто говорит о миротворчестве? Настоящий рыцарь будет счастлив принять участие в схватке, чтобы показать мощь своего оружия, заслужить славу... и богатую добычу!

Я развел руками.

– Что ж, у вас будет больше добычи, если мы проедем мимо.

Король хмурился, раньше других заметил, что сын выставляет себя дураком. Хуже всего, что и советники замечают, может, даже остальные придворные тоже видят, что мои слова звучат умнее и взвешеннее.

Иервен тоже ощутил, что он проигрывает в споре, взбеленился, грохнул кулаком по столу и заорал:

– Вы уваливаете от мужской работы! Думаю, что рыцарские шпоры вы просто сняли с какого-нибудь погибшего рыцаря!

Король нахмурился, его сын перешел все границы, придворные тревожно зашумелись. Король сказал строго:

– Сын мой, ты не прав. Сэр Легольс, я приношу вам извинения за несдержанность моего старшего сына. Он слишком много времени проводил в походах и битвах, потому его речь несколько... огрубела. Иервен, извинись сейчас же!

Иервен презрительно рассмеялся.

– А что я сказал неверно? Сейчас все мужчины по всем землям на сотни миль вокруг берутся за оружие. А рассказы про свое герцогство – прекрасный повод сбежать с предполагаемого места жарких схваток.

Я пожал плечами.

– Вы вправе считать так, как полагаете нужным. В то же время и я вправе считать вас тем, кем вы, без сомнения, являетесь.

Он спросил яростно:

– Кем я являюсь?

– А это вам виднее, – ответил я сдержанно. – Но почему-то мне вот кажется, что не все разделяют вашу точку зрения на свою уникальность.

Он побагровел так, что кровь едва не брызнула из пор, устрашающее зрелище, бросил руку на рукоять меча и прохрипел люто:

– Что? Вы меня оскорбили?

– По-моему, – сказал я с той же сдержанностью, хотя внутри начало закипать, – вы сами себя называли тем... кем являетесь.

Он вскочил с такой буйной яростью, что едва не опрокинул стол, такое под силу разве что слону, все-таки стол дрогнул, а пара кувшинов повалилась, разливая красное вино по белой скатерти.

– Вы были на турнире?.. Торговали там шерстью?

Его рука медленно потащила из ножен меч устрашающей длины. Гости поспешно выскочили из-за стола и шарахнулись в стороны, освобождая место. Я вылез из-за стола, пожал плечами, показывая всем, что очень даже не хочу того, что должно случиться, но меня вынуждают, я приперт к стене и вот потому тоже вытаскиваю меч.

От лезвия побежали блики, словно по воде, я вытянул меч в сторону Иервена. – Вам отец мудро посоветовал извиниться.

Король перестал нас созерцать, как устроитель боев, рыкнул:

– Иервен, ты меня слышал?

Иервен ответил с яростью:

– Не раньше, чем я проучу этого торговца шерстью!

Я снова пожал плечами. Чем-то торговцы шерстью его обидели в детстве, раз для него это самое крепкое оскорбление, молча ждал. На меня надели шлем, и тут Иервен одним чудовищным прыжком преодолел разделяющее нас расстояние, его меч взлетел над головой и с ужасающей скоростью пошел вниз. Мои седалищные нервы бдят лучше, чем остальные: мышцы сократились и метнули меч вверх, парируя внезапный удар.

Лязгнули тяжелые клинки, сила удара меча Иервена отбросила мою руку с мечом, я едва сумел вывернуться от нового удара. Иервен злобно засмеялся, но злости больше, чем торжества: внезапность не прошла, я уже отпрыгнул и, прикрываясь щитом, внимательно слежу за противником, мой меч наготове. У Иервена больше опыта в схватках, больше тренировок, но у меня шире арсенал ударов, к примеру – колющие удары здесь появятся не раньше, чем меч истончится до шпаги, да и вообще мне бы только не дать себя испугать рыком, свирепыми гримасами и безумным натиском...

Мечи сшибались с тяжелым звоном, слышался еще и скрежет, а когда удар приходился по щиту, то глухой стук, как будто дровосек бьет по бревну топором. Светильники бросают ровный масляный свет на блестящие доспехи и обнаженное оружие, не надо ловчить, чтобы солнце светило в глаза противнику, не надо страшиться, что под ногу подвернется коряга или камень, подошвы все время наступают на ровный шероховатый камень, где просто невозможно поскользнуться.

От тяжелых ударов трещат щиты, а когда сталкиваются мечи, вслед за звоном, от которого закладывает уши, срываются длинные шипящие искры. Великолепный меч Иервена всякий раз ударялся о сталь, что не уступает по составу. Я не вижу лица Иервена под опущенным забралом, но фибрами чувствую его нарастающую тревогу, даже страх. Он привык побеждать еще в начале схватки, ошеломляя натиском, звериной силой, яростью и той агрессивностью, что залог победы, но этот чужак держится стойко...

Он резко сбавил темп, удары пошли точнее, но сейчас и он заметил, что на его не рыцарски остром мече появляются глубокие зарубины. Сталь моего меча оказалась все же крепче, да и вообще глупо так остро затачивать кромку меча, предназначенного для ударов по стальным панцирям противника. Я наконец сам сделал первый по-настоящему опасный выпад, Иервен едва успел отстраниться, кончик моего меча сорвал стальную пластину с плеча.

Он грязно выругался, снова взвинтил темп, превратился в нечто вроде многорукого Шивы, бил изо всех положений. Я ушел в глухую защиту, уберегая жизненно важные места, но смирился с задевающими или касательными ударами, от которых все равно то звенит в голове, то отдается болью в руках или плечах.

Дыхание Иервена из хриплого превратилось в надсадное, удары стали неверными. Я легко принимал их на щит, а когда с неожиданной легкостью отбил очередной удар, крикнул:

– Иервен, я готов принять извинения!

Он зарычал в ярости, прыгнул на подгибающихся ногах и нанес неожиданный удар в голову. Я инстинктивно отклонился, а сам так же автоматически выставил меч перед собой и

ударил острием, стараясь удержать и отпихнуть этого взбесившегося быка. От удара по шлему зазвенело в голове и на миг потемнело в глазах. Я поспешно отступил, с трудом выдернул меч...

...и увидел, что кончик лезвия на две ладони окрашен кровью. Иервен шатался, руки опустились, а из узкой щели между пластинами медленно выползла струйка густой темной крови. Наконец пальцы разжались, меч выпал, громко звякнув в напряженной тишине о каменный пол.

Он повалился с грохотом навзничь, каменный пол вздрогнул, а на стенах затрепетали светильники. Рыцари шумно дышали, но не вмешивались, все смотрели на мою левую руку. Я должен был отшвырнуть щит и выхватить мизерикордию, длинный и узкий трехгранный кинжал, который можно просунуть в щель забрала и добить противника в глаз.

На их лицах я увидел недоумение, на моем поясе нет этого столь необходимого предмета, а я сказал громко:

– Теперь извинений уже не требую. Он получил достаточно.

Повернувшись, пошел к своим, а за спиной нарастал гневный ропот. Оглянувшись, увидел, как все гримасничают в ярости, что-то доказывают друг другу, многие готовы броситься за мной.

Иервена подхватили на руки и унесли. Из щелей доспехов кровь уже не капает, а льется струйками. Король поднялся с трона бледный от ярости, нижняя челюсть трясется, как у работающей камнедробилки. Он вперил в меня убийственный взгляд, а когда вскинул руку, я инстинктивно ждал, что с нее сейчас сорвется слепящая молния и ударит в грудь.

– Сэр Легольс! – прогремел его мощный голос, под сводами отразился гулким эхом и вернулся, обретая нечеловеческий объем и мощь. – Ты опозорил моего сына!.. Да будь ты проклят, да не будет тебе приюта на землях моего королевства!.. Сейчас же покинь мой дворец, ибо ты обагрил руки кровью моего первенца...

Я стоял с опущенной головой, молчал, хотя слова дрались в моей голове за право первыми протолкнуться к глотке.

– Повинуюсь, – ответил я кротко. – Да будет всем нам судьей Господь.

Сэр Смит и брат Кадфаэль, слишком уstraшенные, чтобы даже поднять взгляд на убитого горем короля, разъяренных братьев Иервена и хватающихся за рукояти мечей придворных, молча, не отрывая взглядов от пола, последовали за мной. Граф Эбергард и Мемель держались рядом, закрывая меня своими телами.

Во дворе уже горят факелы, на темнеющем небе высыпали звезды. Мы торопливо седлали коней, прибежали разместившиеся для ночлега наши рыцари. Вскоре весь отряд во главе с сэром Эбергардом выехал через главные ворота. Сэр Мемель с двумя рыцарями завершал наше полубегство-полуотступление. Когда ехали через город, сэр Смит начал тихонько возмущаться, брат Кадфаэль так же тихо поддакивал, я молчал, а когда миновали городские ворота и отъехали чуть, оглянулся. Сэр Смит посмотрел тоже и громко выругался, даже забыв добавить привычное: «Господи, прости меня, грешного».

Из распахнутых врат выезжали освещенные факелами со стен блистающие легкими доспехами всадники. Брат Кадфаэль сказал упавшим голосом:

– Король обещал, никто нас не тронет на его землях...

– Но и не защитит, – вставил сэр Смит. – Если вдруг набросится дракон, тролль или великан. Но если никто нас не ухлопает раньше, то проводят нас до границ своего королевства, где их гостеприимство заканчивается...

– Что ты хочешь сказать? – спросил Кадфаэль испуганно.

– А то, что дальше начинаются, – объяснил сэр Смит, – дикие земли. И эти люди Хайбиндера за нашими спинами... я вроде бы заметил среди них остальных его сыновей, за пределами королевства свободны от всех обязательств.

Я оглянулся, эскорт виден целиком, в нем не меньше двух десятков всадников. Вряд ли король считает меня настолько опасным, просто многие из знатных восхотели принять участие в прекрасной охоте на человека.

– Сэр Эбергард, где заканчиваются земли Хайбиндера?

– Если на запад, то два дня пути, если на восток – один...

– Еще на север скажи, – прервал я. – Сам знаешь, в какую сторону едем.

– Ну, – сказал он обидчиво, – когда такие обстоятельства, то можно и свернуть...

– Если бы помогло, – сказал я, – кто бы не свернул?

– Хорошо, до южной границы четверо суток.

Я с облегчением вздохнул. Много может случиться между тарелкой и ложкой.

– Не лучше ли нам поехать порознь? – предложил я. – Этим, помешанным на кровной мести, нужен один я, за вами в погоню никто не бросится. А там, на Юге, авось увидимся.

Я думал, хоть поразмыслят, поколеблются, но они ответили моментально, с гневным блеском в глазах, жаром в голосах:

– Сэр Ричард, как можно?

– Вы забываете о цели нашей поездки!

– Мы вместе отправились, вместе и... приедем!

Я покачал головой, у обоих эта порядочность на уровне инстинктов, как жаль что будет начисто потеряна при переходе к более высоким общественным формациям.

Из-за темного леса поднялась неимоверно крупная и зловеще красная луна, словно омытая кровью. Поднималась медленно, тяжело, словно истекающее кровью животное, а в зените остановилось, и свет от нее падает багровый, заставляющий сердце сжиматься в предчувствии большой беды.

Ко мне приблизился, умело управляя конем, граф Эбергард. Холодно и неодобрительно посмотрев, словно я вот только что громко испортил воздух, сказал безразличным голосом:

– Сэр Ричард, что бы ни случилось в пути, мы прежде всего должны думать о выполнении нашей миссии. Если уж за нами еще и конный эскорт от короля Хайбиндера, то нам, полагаю, вовсе не обязательно так уж нестись, загоняя коней...

– Вы так думаете? – спросил я.

– Да, – ответил он холодно. – Так. Думаю. Я. Дело в том, что по законам гостеприимства они не могут напасть на нас здесь, на этих землях. Они набросятся, как только перейдем границу. Так что следует беречь силы лошадей...

– Для чего? – спросил я наивно.

– Для последнего боя, – ответил он строго. – Весть о том, что наследник престола Легольс пал, разнесется повсюду, и наш сюзерен доберется до своего дворца в безопасности!

Я сказал саркастически:

– Знаете, мне как-то параллельно, как он доберется. Я пообещал королю Барбароссе некоторое время поносить плащ вашего сюзерена, чтобы ввести дураков в заблуждение. Однако я не собираюсь класть голову, только бы это еще чем-то помогло вашему... господину. Мне он, как вы догадываетесь, совсем не светило... мягко говоря.

Граф Мемель с тревогой прислушивался к тому, как постепенно накаляются наши голоса, сказал с несвойственной ему торопливостью:

– А что, если поедем через долину Ветров? Конечно, удлиним дорогу почти втрое... Но потащатся ли они следом?

– А короче дороги нет? – спросил я, игнорируя графа Эбергарда, лицо которого пошло синюшными пятнами, словно поел не тех грибов.

– Есть. Одна через болото Серых Теней, другая – через пустошь Синих Цветов.

– С болотом ясно, – сказал я, по-прежнему игнорируя Эбергарда, как будто вижу перед собой пустое место, – а что за пустошь?

– По слухам, – ответил осторожно граф Мемель, он бросал тревожные взгляды на графа Эбергарда и остальных могучих рыцарей, таких же собранных и пугающе молчаливых, – там все еще водятся Песчаные Черви. Мало находится смельчаков, что рискуют пуститься через это место. Хотя бы потому, что через болото хоть кто-то да... хоть и не все, а через пустошь еще никто не сумел.

Сэр Смит вздохнул, сказал мечтательно:

– Я слыхивал от дедов, однажды какой-то маг сумел подчинить Песчаного Червя... Разъезжал, как на коне. Стал то ли королем, то ли императором!

– Что, – удивился я. – Червь такой огромный?

Граф Эбергард фыркнул, остальные переглянулись, удивляясь такому невежеству.

– Этот Червь, – сказал Смит наставительно, – может проглотить корову... стадо коров, одну за другой!.. Наверх почти не высовывается, но, говорят, может прогрызть даже гранит...

Граф Мемель прервал:

– Это уже брехня!.. Никогда не подкапывался под крепости, хотя их для этого выводили! Маги те померли, Черви живут себе в пустынях под барханами, жрут все, что бежит поверху. За пределы не выходят, так что если по краю, никакие Песчаные Черви даже коней не пугнут.

Проскочить бы через пустошь на большой скорости, мелькнула мысль, а опомнившиеся чудища пусть набросятся на преследователей... но посмотрел на усталого коня сэра Смита, измученного мула брата Кадфаэля, сказал со вздохом:

– А побезопаснее чего-нить, но покороче, чем через долину и эту, как ее, пустошь?

Брат Кадфаэль сказал задумчиво:

– Тогда по Трапезундской дороге. Достаточно прямая, а опасна только в одном месте, где через лес... Но это недолго. Кому удастся проскочить, тот уже поет.

Я оглянулся, эскорт имени короля Хайбиндера идет за нами ровным шагом, медленно растягивается в цепь, чтобы не глотать пыль.

– Нам до песен далеко, но попробуем через этот лес. Кстати, дорогой Мемель, если Черви не выходят за пределы своей пустоши, то как некто подчинил, разъезжал и стал императором?

Сэр Смит объяснил со знанием:

– Так то дикие не покидают!.. Как и табуны не покидают своих долин. А вот наши кони уже сколько королевств увидели?

Глава 8

Ехали половину ночи, наконец впереди в лунном свете заблестели крыши крохотного городка. Воспрянув духом, усталые по самое не могу, под утро добрались до гостиницы, но когда въехали во двор, я увидел у коновязи красавца жеребца под богатой рыцарской попоной. Конь оставался нерасседланным, это значило, что всадник не останется на ночлег. К моему удивлению, никто не выбежал принять коней, наконец на крыльце появился заспанный хозяин, лицо виноватое, но, когда заговорил, голос звучал твердо:

– Сожалею, ваша милость, но вы не можете остановиться в моей гостинице.

– Что случилось? – спросил я, в груди противно заныло. – Нет мест? Так мы неприхотливые...

Он покачал головой.

– Нам передали, что вы лишены гостеприимства нашего королевства.

Брат Кадфаэль покорно вздохнул, сэр Смит выругался. Я подумал, достал золотую монету.

– Тогда наполни наши мешки едой, а фляги вином. И мы отбудем немедленно.

Он развел руками.

– Ваша милость, никто в королевстве Эбберт не даст вам даже кружки воды! А вы говорите про еду.

Сэр Смит вскипел:

– Ты что говоришь, смерд? Ты думаешь, что говоришь? Если хотим ночлег, то мы его получим. Если хотим еду – то мы ее добудем!

Хозяин смолчал, отступил в сторону. Из темного прохода вышел рыцарь в дорогах доспехах. Забрало поднято, я узнал одного из оставшихся сыновей короля Хайбиндера: высокий, статный, но с перекошенным злобой лицом, брови сдвинуты на переносице, челюсти сжаты.

– Вы так думаете? – процедил он сквозь зубы. – Что ж, попробуйте!

Он взглянул через наши головы, я оглянулся, с той стороны ворот подъезжали остальные рыцари короля. Я сдержал гнев, жестом остановил сэра Смита и сказал смиренно, даже очень смиренно:

– Мы уйдем. Уйдем в ночь, усталые и голодные. И пусть все видят, что мы уходим в ночь усталые и голодные. Люди, которым отказано в куске хлеба и охалке соломы под голову. И пусть Господь это тоже видит... и рассудит нас!

Я повернул коня. Эбергард смотрел озадаченно, даже свирепая гримаса уступила место озабоченности, уж слишком смиренный вид я напустил на себя, а ведь должен был, по идее, хорохориться, пыжиться, сыпать угрозами и отступить в самый последний момент.

Похоже, оба графа и рыцари не могли понять, почему я вдруг ответил так униженно, почему поджал хвост и удалился, даже не пытаясь сохранить рыцарское достоинство.

– Пусть Господь нас рассудит! – повторил я громко. – Запомните, пусть Господь рассудит... и накажет виновного!

Мы выехали со двора, провожаемые взглядами не только рыцарей, что расступились, давая дорогу, и множества слуг, постояльцев, просто жителей, которым уже успели сообщить, что этим людям нельзя давать ни ночлега, ни куска хлеба, ни глотка воды.

Дальше мы ехали через город и как никогда остро впитывали все запахи кухни, что доносились из распахнутых окон и дверей: душистого супа, наваристой ухи, жареного мяса, печеного хлеба, парного молока.

Брат Кадфаэль переносил это испытание как будто даже с удовольствием, радостью, ведь любой пост – это власть духа над плотью, а сэр Смит не переставая проклинал короля, его

сыновей, весь их двор и вообще проклятое королевство, где люди лишены христианских не то что добродетелей, а вообще человеческих душ, ну просто звери двуногие...

Я молчал, внутри разрастается злость, и хотя я тяжело ранил Иервена, если не убил, но как-то не чувю вины. На стычку не напрашивался, с охотой бы увильнул, но бывают моменты, когда отступать некуда. Вот даже самый что ни есть гуманист и демократ, но чувствую себя правым, даже проткнув своего ближнего мечом, и совсем не чувствую, что та скотина и есть мой ближний.

Ехали до рассвета, остановились на короткий отдых, а королевский эскорт точно так же расседлал коней в двухстах шагах от нас. Они напоили коней выше по ручью, нарочито замутив воду так, что наши кони фыркали, мотали головами и отворачивали морды от грязной воды, а когда муть чуть спала, брезгливо цедили сквозь зубы и, боюсь, так и не напились вволю.

Пса я не отпускал, вдруг даже ему нельзя охотиться, а каков он в бою, не хочу и думать, ну не должна собака бросаться на людей, не должна! И как бы мне хреново ни было, пусть даже такая огромная собака будет для души, а не для каких-то охранно-боевых задач.

Проехали за сутки чуть больше сотни миль, конь сэра Смита и мул брата Кадфаэля уже едва переставляют ноги. Небо затянуло тучами, подул неприятный встречный ветер. Сэр Смит все оглядывался на преследующих нас всадников, наконец выругался с великим разочарованием:

– Не оторваться. Уж как я выбирал коня!.. Столько заплатил, можно бы целый табун...

– За нами не простые слуги, – утешил я. – Если не ошибаюсь, возглавляют королевские детки, двое братьев Хайбиндера, а также герцоги и графы. Не думаю, что среди наших преследователей хоть один найдется ниже барона!

Сэр Смит скривился, но я видел, что втайне горд:

– Ах, какая честь!.. Эскорт, как у королей.

– Я говорю о том, – уточнил я, – что у них кони – лучшие в королевстве.

Сэр Смит сказал завистливо:

– Да и доспехи... Я думал, самые знатные зрел на турнире. Оказывается, нет...

Впереди показались крыши из красной черепицы аккуратных домиков, к моему удивлению, город обходится без крепостной стены. Одна дорога шла мимо, вторая прямо в город. Я направил коня по второй, брат Кадфаэль промолчал, а сэр Смит проворчал зло:

– Они и здесь не дадут нам ни крова, ни еды!

– Да, – ответил я, – не дадут.

Он посмотрел на меня с подозрением.

– Так зачем же? Надеетесь, что еще не узнали?

– Узнали, – сказал я. – Думаю, впереди по нашему пути уже проскакали самые быстрые вестники.

– Так зачем? – повторил сэр Смит сердито. – Вам нужно еще раз пережить то унижение? Я чуть со стыда не сгорел, когда простой трактирщик отказывает в корке хлеба!

Брат Кадфаэль тоже поглядывал на меня с вопросом в чистых голубых глазах. Я смолчал, затрудняясь сформулировать то, на что и сам не мог дать четкий ответ. Граф Эбергард что-то велел всадникам, трое поехали впереди, остальные сзади, сам граф держал коня рядом с моим, я иногда ловил на его бесстрастном лице внимательный взгляд. Граф даже не заинтересовался, почему я решил заехать в город, для него главное, что горожане увидят мой плащ и весь отряд с гербами герцога Люткеленбергского, гранда Кастилии, конунга Хельнурга и графа Аквани, верховного сюзерена герцогства Пуатье. Убьют нас люди короля Хайбиндера или нет – дело второстепенное. Главное – отвести угрозу от их юного сюзерена, заранее благородного и увенчанного всяческими достоинствами мудрого правителя.

Улица опустела с нашим появлением. Мы проехали до центральной площади, там с одной стороны двухэтажная гостиница, с другой – такой же двухэтажный каменный дом, отгороженный от улицы небольшим заборчиком. За нами в сотне шагов победно звенят подковы по брусчатке. Я оглянулся, там лица людей, не просто выполняющих вообще-то бесчеловечный приказ короля, а даже наслаждающихся своим превосходством и нашими мучениями.

Я остановил коня, брат Кадфаэль и сэр Смит тоже натянули поводья. Я выпрямился, вскинул руку.

– Мы мирные путники, нам ничего не нужно от вас, кроме воды и хлеба! Неужели вы откажете?

Долгое молчание было ответом. Рыцари Хайбиндера остановили коней на дистанции шагов в пятьдесят, я краем глаза посматривал на их торжествующие лица. За опущенными занавесками во всех домах, что выходят окнами на площадь, чувствуется шевеление, я угадывал, как целыми семьями заглядывают в щелочки, но никто не решается даже раздвинуть шторы.

Брат Кадфаэль опустил голову и молча молился, сэр Смит смотрел на меня с мрачной злостью, ну зачем так унижаться. Я медленно пустил коня через площадь, дальше узкая улица, но на въезде я крикнул громко:

– Да будет проклят город, где у жителей нет христианской жалости... Да покарает вас Господь!.. И еще обещаю всем... я вернусь. Я вернусь однажды, и это будет страшный день.

Брат Кадфаэль и сэр Смит молча ехали следом, мы миновали с десятков домов, оставалось еще два, а там дальше зеленый простор, как вдруг шторы одного окна раздвинулись, кто-то быстро протянул огромную краюху хлеба и глиняный кувшин. Я принял, занавески так же бесшумно задвинулись, а следом захлопнулось и окно.

Я держал хлеб и кувшин перед собой, в надежде, что кривизна улочки не позволит едущим за нами всадникам Хайбиндера увидеть нарушение королевского приказа.

Когда за городом послали усталых коней в галоп и оторвались ненадолго от преследователей, я ухитрился спрятать хлеб и вино. Мул брата Кадфаэля хрипел и мотал головой, я перевел Зайчика на шаг, спросил Кадфаэля:

– Вот теперь вопрос, а как поступил бы Господь, если бы на весь город отыскался только один праведник?

Он перекрестился, ответил скорбно:

– Ты знаешь ответ, брат-паладин. Господь испепелил оба города, хотя праведником был сам Лот.

– Знаю, – ответил я, – но Господь даровал нам право самим решать, кто прав, кто виноват. И самим отмерять наказание.

Он снова перекрестился, лицо бледное, глаза ввалились.

– Тяжкую ношу взвалил на плечи сынов своих Господь.

– Да уж, – согласился я. – Куда легче, чтобы кто-то за нас решал... Как называется этот город?

– Вифли.

– Вифли, – повторил я. – Почти как Вифлеем. Запомню.

Сэр Смит прервал наши непонятные рассуждения:

– Вон там ручей, надо напоить животных!

Мы слезли с коней, рыцари Хайбиндера приближались медленно и с самым угрожающим видом. Сэр Смит встал так, чтобы первый удар в случае чего принять на себя, я ведь сеньор, а это значит, он обязан защищать меня всеми силами. Брат Кадфаэль бормотал молитвы, а спросил язвительно:

– А слабо тебе взять и отшвырнуть их хотя бы на полмили?

Кадфаэль взглянул с укором:

– Брат паладин, как можно?

– Но ты же воды целой реки остановил!

– То вода, – сказал он, – а то люди. Они ведь тоже христиане!.. И вообще... нельзя святость обращать в оружие. Это же ввергнуть свою душу в бездну ада. Лучше умереть, чем запятнать...

– ...честь, – договорил я. – Эх вы, рыцари! Оба.

Всадники приблизились. Во главе в самом деле сыновья короля и братья, по бокам, судя по эмблемам на щитах, герцог Чезвиг и герцог Тараскон, за ними такие же злые и в то же время торжествующие лица. Похоже, в дороге все больше слетает лоск, сейчас за нами идут по следу лишь разгоряченные близостью крови охотники, которых уже ничто не остановит.

Чезвиг, средний сын короля, сказал надменно:

– Вам отказано в нашем гостеприимстве, забыли?

Я ответил вежливо:

– Мы не просим ни воды, ни хлеба. Не просим ночлега. Что еще?

– Вам отказано и в отдыхе, – сказал он громко, за его спиной я видел злобные ухмылки. – Во всяком случае, на земле королевства Эбберт.

Я спросил негромко:

– Но коней хоть напоить можем?

Он поколебался, но сзади крикнули, что коням в гостеприимстве не отказано, мы можем коней вообще оставить, чтобы не мучить бедных животных, а сами убираться с их земли пешими, и Чезвиг сказал нехотя:

– Вы можете напоить коней, но после этого убирайтесь немедленно! Иначе вас погоним плетью.

В довершение угрозы он вытащил плетень и поиграл ею в воздухе. Сэр Смит ярился и хватался за рукоять меча, я сам чувствовал, как бешенство раздражает меня надвое, но заставил себя ответить смиренно:

– Мы сейчас уедем. И пусть нас рассудит Господь.

Напоив коней, мы снова взобрались на измученных животных. Чезвиг и люди короля отстали, сэр Смит и граф Эбергард косились на меня с подозрительностью.

– Что-то вы больно благочестивым стали, сэр Ричард!

– Сам удивляюсь, – ответил я. – Мы, как мне чудится, будем проезжать через вот ту грядку?

– Да, – ответил он со вздохом. – Если только кони не падут раньше. А там дальше уже земли не то Итрурии, не то Фоссано, не помню. Там наши преследователи имеют даже формальное право напасть все разом.

Конь сэра Смита весь в мыле, хотя мы передвигаемся шагом, мул брата Кадфаэля тоже не поднимает головы от земли, сейчас ему и уши тяжелы. У остальных кони тоже еле плетутся. Я едва удерживался от желания послать коня вперед и осмотреть приближающуюся черепаший шаг скалу, пусть невысокую, но все же для исполнения моей задумки годится и средняя, однако те сволочи могут пуститься за мной в погоню и по пути зарубить моих спутников.

– Держитесь, – приговаривал я, – еще совсем немного.

– А что там? – наконец спросил сэр Смит.

– Мне было видение, – ответил я. – Господь нам там поможет.

Брат Кадфаэль посмотрел на меня с великим уважением, достал требник и на ходу углубился в чтение. Бедные животные хрипели и шатались, сэр Смит не выдержал, прыгнул и пошел рядом, подбадривая измученного коня, похлопывая по мокрому боку.

Скалы приближались мучительно медленно, наконец поравнялись, дорожка начала слегка загибаться, скрывая нас от глаз преследователей, я возликовал, сказал быстро:

– Продолжайте путь! Я догоню вас чуть позже.

Сэр Смит с беспокойством оглянулся.

– Сэр Ричард, уж не думаете ли дать им бой? Тогда я буду чувствовать себя оскорбленным...

Я прервал:

– Я же сказал, мне было видение! Или вы и с Господом будете спорить?

Он пробормотал поспешно:

– Нет-нет, что вы, сэр Ричард! Просто...

– Охраняйте брата Кадфаэля, – прервал я. – Еще мне было видение, что без него нам придется очень туго дальше. А то и вовсе не выживем.

Я не успел повернуть коня, рука графа Эбергарда властно перехватила повод. Он смотрел холодно, на лице решимость, а когда заговорил, слова звучали так, как будто кузнец рубил толстую проволоку для кольчуги:

– Сэр Ричард, вы поедете дальше с нами.

– И не мечтайте, – отрезал я.

– Что вы задумали?

– Помолиться в одиночестве, – ответил я зло. – Это не ваше дело. Вы забыли, что вы, как и весь эскорт, подчиняетесь мне?

Он покачал головой.

– Только в рамках нашей миссии.

Я взглянул на сэра Смита. Он понял и молча обнажил меч. Я вздохнул и обнажил свой. Граф Эбергард побледнел, но не подал коня назад и на дюйм, смотрел мне в лицо все так же бесстрашно и с решимостью.

– Вот что, – сказал я, чувствуя как бешенство овладевает мною и зубы начинают лязгать. – Вот что, граф... Я делаю то, что изволю! Хотите помешать – попробуйте! У вас десять рыцарей, а нас двое. Даже если одолеете, вас останется много меньше... если кто-то останется, вы ведь видели нас на турнирном поле? И что тогда с вашей миссией?

Он процедил сквозь зубы:

– Я, кажется, догадываюсь, что вы хотите.

– И что же?

– Вас попросту убьют.

Я зло оскалил зубы:

– А что пытаетесь сделать вы?

Граф Мемель, молча прислушивающийся к спору, сказал мрачно:

– Благородный сэр Эбергард, не мешайте сэру Ричарду. Если погибнет в схватке с преследователями, это лучше, чем если мы начнем рубить друг друга.

Сэр Смит смотрел на меня с беспокойством.

– Сэр Ричард!

– Езжай с братом Кадфаэлем, – велел я, – и береги его. И – больше верь мне. Ты же знаешь, мне иногда нужно уединиться для молитв!.. Бобик, ты с ними. Не спорь!

Смит вздохнул и пошел рядом с монахом, который тоже, оказывается, важен, а вот он, победитель турнира, почему-то не удостоился ни самих видений, ни появления в чьих-то видениях. Я вздохнул с облегчением, к счастью, сэр Смит не очень-то раскидывает умом и не подумал, что на самом деле я ни разу не уединялся для молитв, но, главное, сказано убедительно, я вообще-то молодец.

Они из последних сил пустили коней рысью, а я оставил Зайчика у подножия скалы, покарабкался как можно быстрее вверх. Ноги дрожат, даже руки как ватные, никогда не думал, что так зверски устану за дорогу. Сердце стучит, будто старается вырваться, а дыхание горячее, как у дракона, и частое, как у землеройки.

Сыновья Хайбиндера ехали, как обычно, чуть впереди отряда, остальные растянулись в длинную цепочку. Каменистая почва не позволяет здесь идти широкой цепью, что просто прекрасно. Я сдернул с плеча лук, быстро наложил стрелу. Дыхание начало выравниваться, а руки постепенно наливаются силой.

Я вскинул лук, Чезвиг и Тараскон как раз на дистанции выстрела, быстро оттянул тетиву и отпустил стрелу. Тут же выпустил вторую, третью, четвертую. К Чезвигу как раз подъехал один из сыновей короля, две стрелы поразили его дядей, а третья ударила в забрало младшего королевича. Он закричал и зашатался, ухватив обеими руками древко стрелы.

Остальные пустили коней в галоп, кто-то закричал, указывая на меня, до этого смотрели только вперед, я начал выпускать стрелы одну за другой, взглядом стараясь держать уязвимые точки в доспехах, но многие успевали закрываться щитами и стрелы с сухим треском разбивались в щепки.

Кто-то из старших рыцарей, закрывшись щитом, о который я расщепил не меньше пяти стрел, орал и указывал в мою сторону обнаженным мечом. Рыцари, горяча усталых коней, пустили их вскачь, домчались до скалы, обогнули и тут обнаружили, что все остальные из нашего отряда удаляются по пустой и пыльной дороге, а я – именно тот, кто им нужен, засел на вершине скалы.

– Взять его! – заорал рыцарь в дорогих доспехах, я не знал его имени, видел только по гербу на щите, что это средний сын Хайбиндера. – Убить на месте!

Я крикнул:

– Вас сколько осталось? А вернется еще меньше!

Они быстро покидали седла и гурьбой полезли на скалу. Я выпустил еще с десятков стрел, два рыцаря с криками скатились вниз, остальные умело закрывались щитами, поднимались упорно и настойчиво. Выждав еще с минуту, я медленно опустил лук и положил на землю рядом с собой, рука моя опустилась на рукоять меча.

Рыцарь крикнул:

– Я, принц Теодор, сын короля Хайбиндера, велю тебе спуститься!

– Зачем? – спросил я с неподдельным интересом.

– Слезай! – повторил он тупо. – Я обещаю рыцарской честью, что умрешь в рыцарском поединке. Иначе забьем как бешеную собаку!

– Да, конечно, – ответил я, – как же, забьете...

На лицах карабкающихся злое торжество, как бы я ни был хорош с мечом, но против пятнадцати человек не устоять, а в таких схватках не до рыцарских правил, можно и всем на одного... я быстро сдернул с пояса молот и швырнул в шлем ближайшего. Стальная болванка с грохотом обрушила сразу несколько человек, я поймал в воздухе и сразу же бросил в группу, что поднимается с другой стороны.

Лязг, грохот, скала очистилась от железа, я тут же подхватил лук и выпустил десятка полтора стрел, из которых больше половины нашли цель. Еще человек семь уже лежат беспорядочными грудями железа в красных лужах, смятые страшными ударами молота.

Теодор в страхе и непонимании опустил щит, не веря глазам своим. Я быстро вскинул лук и, воспользовавшись случаем, всадил стрелу в узкую щель для глаз. Он вскинул обе руки, как будто пытался ухватить ушибленное место, но не дотянулся и рухнул с поднятыми руками. Внизу дикий крик, слышались проклятья, лук в моих руках подрагивает от частых рывков. Стрелы жалеть не приходится, как и это растерянное стадо, что в полной уверенности гналось за беззащитной овцой, а та вдруг превратилась в лютого волка.

– Получайте! – крикнул я громовым голосом, сам не ожидал от себя такого рева. – Я же говорил, что Господь покарает?... Он и покарал руками своего верного паладина!

Всего трое сумели поймать коней и поспешно вскакивали в седла. Без всякой жалости я всадил всем троим стрелы в щели между кирасой и шлемом. Кто охотится на измученных

людей целой толпой, кто отказывает им в куске хлеба и глотке воды, тот не попадает ни под какие конвенции.

По вечерней дороге со стороны юга пыль столбом, я всмотрелся: из желтого облака вылетели на взмыленных и храпящих от изнеможения животных сэр Смит, граф Эбергард и граф Мемель, а за ними остальные рыцари.

Все уже с обнаженными мечами, готовые рубить и крушить, упиться яростной схваткой... Я с удовольствием смотрел с высоты, как они остолбенело уставились на грандиозное побоище. Часть коней уже успокоились и бродят между павших, другие испуганно бегают кругами, ржут, напуганные свежей кровью, в то же время страшатся далеко уйти от людей.

Я спустился со скалы, помахал всем.

– Вот и хорошо, что вернулись. А то я здесь в одиночестве молился, молился... Все о высоком, о благе человечества! О духовном. Сэр Смит, выберите себе лучшего коня, эти не так заморились... и брату Кадфаэлю тоже. Граф Эбергард, прошу прощения за резкие слова. Они были вызваны предельной усталостью, но все равно мне прощения нет, я надеюсь только на ваше великодушие.

Граф с трудом оторвал потрясенный взор от двух с половиной десятков сраженных людей. Многих просто смяло, как могучим прессом, трое-четверо еще живы, стонут и пытаются выбраться из-под мертвых тел в тяжелых доспехах.

– Как вы их... Ах да, какое там прощение! Это вы, сэр Ричард, простите великодушно меня за непонимание! Я уж никак не мог подумать, что у вас такие молитвы!

– Вот и отлично, – сказал я с облегчением. – Значит, забыто, хорошо?.. Эй, сэр Смит! Вы что задумали?

Сэр Смит с мстительным выражением на лице вытащил мизерикордию и соскочил с коня.

– Я христианин, – ответил он со злой усмешкой, – а прекращать страдания – по-христиански.

Я остановил его жестом.

– Боюсь, сэр Смит... на это Господь не даст благословения.

Брат Кадфаэль спросил с укором:

– А на убийство двадцати знатнейших христианских рыцарей он благословил?

Я ответил дипломатично:

– Брат Кадфаэль, в тот момент, когда они гнали нас, как стадо волков беззащитных овец Христовых, они не были христианами. Еще меньше были ими, когда лезли на эту скалу, оскверняя уста хулой на Господа нашего. Потому Господь и подвигнул меня их наказать... сам Господь ведь даже Содом и Гоморру сжег к такой матери! Но вот теперь мы со всем христианским смирением должны простить их... и ехать дальше.

Сэр Смит стоял в нерешительности с мизерикордией в руке, потом ухмыльнулся и сунул ее в ножны.

– Вы правы, сэр Ричард! Пусть помучаются перед смертью. А если кто выживет, останется уродом на всю жизнь. Будет живым напоминанием простому народу, что Господь, как вы верно по-паладины сказали, долго терпит, но больно бьет!.. Но какой ваш приз, сэр Ричард!

Только теперь я увидел, что все смотрят на меня еще и как на обладателя двадцати великолепнейших коней, на которых ездили сыновья короля и знатнейшие люди королевства, а также дивных доспехов, совершенства которых просто трудно представить в наших северных краях.

Я милостиво улыбнулся, ибо быть храбрым – обязанность рыцаря, а быть щедрым – обязанность сюзерена. Сюзерен просто обязан раздаривать часть добычи, неважно, где она захвачена: на поле брани или на турнире, чтобы заслужить любовь и преданность своих вассалов. Я, правда, сюзерен только для Смита, для остальных я нечто липовое, но в данном случае я – герой, а герои ну просто обязаны так это презрительно отковырнуть пальчиком добычу в сто-

рону. Когда, к примеру, известный ныне судья турниров Уильям Маршалл появился на первом своем турнире в Турине, он захватил много пленников и коней, все путем. Но когда прибыл на турнир в Тулон уже овеянный славой героя, пришлось зажать жадность в кулак, вежливо всем улыбаться, раскланиваться, а на турнире отказываться брать в плен. Более того, он тут же возвращал и мечи и коней, что тут же подхватили и растиражировали в песнях и балладах менестрели.

– Дорогие друзья, – сказал я громко, – это тактическое отступление сплотило нас и даже в чем-то сроднило, потому я и обращаюсь так, словно вы мне все родные. Дорогие друзья, наши кони выполнили свой долг, а теперь давайте дадим им почетный отдых!.. Все это вот, что на этом поле, – ваше. Как кони, так и доспехи. Кстати о птичках – оружие тоже. И то, что в седельных сумках. Разбирайте... а утром поедem дальше!

Последние слова я произнес, взглянув на небо, где солнце уже опускается за горизонт, по земле побежали длинные тени, земля стала тревожно красной, словно кровью я забрызгал ее от края и до края.

Глава 9

Костер пришлось разводить нам с братом Кадфаэлем. Все остальные, за исключением графа Эбергарда, ловят и рассматривают коней, поспешно собирают оружие и доспехи. Даже граф Мемель не утерпел, принял участие в дележе. Среди рядовых рыцарей вспыхивали жаркие споры и даже звучали угрозы, но добычи набралось столько, что хватало всем: по два коня на каждого, не считая тех, на коих прибыли, а еще масса доспехов, из которых не больше десяти испытали на себе Божий гнев, а остальные целехоньки, если не считать торчащих стрел, отыскавших щели.

Граф Эбергард, чтобы избежать жарких споров, распорядился снести все мечи, кинжалы, шестоперы и другое оружие, найденное у павших, в одну кучу. В пламени костра она блестела, как огромная гора несметных сокровищ, коей и являлась в глазах ликующих рыцарей. Для них оружие и есть драгоценность.

Пес обнюхал и унесся на охоту, а мы расселись у костра, безумно усталые, впервые можем отдохнуть и выспаться. Но сон не шел, все смотрят жадными глазами на груды мечей, глаза сияют, а дыхание учащается, как при виде обнаженных красавиц. Граф Эбергард посматривал на меня со странным интересом, но помалкивал, зато граф Мемель подсел ближе и сказал довольным голосом:

– Это было великолепно, сэра Ричард!.. Я не знаю, как вам это удалось, но раз уж Господь вас не испепелил, значит, вы действуете с Его благословения. И, знаете ли...

Он умолк, глаза его обшаривали мое лицо пытливым взглядом.

– Что? – спросил я.

– Вы очень хорошо играете сына герцога, – произнес он и покосился на графа Эбергарда, не слишком ли далеко зашел в похвалах. – Вы держитесь достойно. Особенно всех потряс этот щедрый дар!

– Ну да, – фыркнул я, – а что я стал бы делать с такой добычей?

Он усмехнулся, покачал головой.

– Мы могли бы вести коней с навьюченными доспехами, как и поведем, только это считалось бы вашей собственностью.

Я отмахнулся.

– Много вещей не есть хорошо. Брату во Христе на хрен они все? Все эти кони... разве сравнятся с моим Зайчиком? А так сделал людям приятное. Вон как радуются!

Он посмотрел так внимательно, что я ожидал вопроса, сколько мне лет, но он смолчал, только велел двум рыцарям оставить наконец доспехи и заняться ужином. Я видел, как неохотно эти воины оторвались от перебирания мечей и кинжалов, быстро и умело разделили оленя, что приволок Бобик, ломти мяса насадили на вертела и водрузили над огнем.

Сэр Смит с видимым удовольствием облачился в великолепные доспехи. Такой тонкой работы еще не видел: все пластины подогнаны с дивной точностью, не просунуть и стебелек травы, в то же время латы не стесняют свободы движений. Особенно пришел в восторг от конического шлема с пышным плюмажем, тоже покрытым благородным серебром самой искуснейшей выделки. Рыцари графа Эбергарда за неимением оруженосцев помогли ему облачиться в кольчужную рубашку, в стальные поножи, а в довершение всего великолепия набросили на плечи черный плащ с вышитым золотом вздыбленным конем.

Я влез в свои доспехи без всякой охоты, но не роптал, только предупредил, что когда погоня удостоверится, что я и есть сын герцога Люткеленбургского, гранда Кастилии, конунга граф чего-то там, я волен сбросить это железо и хвастливый плащ, если посчитаю нужным. Граф Эбергард морщился от такого пренебрежения, но смолчал.

Брат Кадфаэль оглядел меня и сказал вежливо:

– Очень красиво, брат паладин.

– Не смеши, – буркнул я.

– Я правду говорю.

– Не смеши, – повторил я. – Все люди как люди, а мы как какие-то... патриархи православной церкви. Чересчур помпезно, как будто на дикарей рассчитано.

Сэр Смит, посмеиваясь, шепнул мне в самое ухо:

– Монсеньор, они уже жалеют, что не под вашей рукой... С таким вождем быстро бы обогатились.

– А что, – спросил я шепотом, – совсем бедные?

– Да, – прошептал он. – Граф подобрал лучших из самых бедных рыцарей. Почти всех вооружил за свой счет.

Я кивнул, граф Эбергард поступил весьма мудро. Бедные из кожи будут лезть, чтобы доказать верность и преданность.

Жареное мясо трещит на зубах, сок стекает по пальцам и губам. Это же сколько нас гнали без еды и отдыха, что глотаем и недожаренное и пережаренное, рыцари по одному и парами уходят в темноту, ориентируясь на журчание ручейка, падают на колени и пьют быстро и жадно, как подобает настоящим воинам и лесным зверям. Ненастоящие становятся на колени и, сложив ладони ковшиком, зачерпывают и пьют, что говорит о их пригодности к работе врачевателями, монахами или магами, но не стремящимися проливать кровь врага. А я, честно говоря, так и вовсе зачерпнул бы воды в шлем и пил бы, как вообще не знаю кто, будто и не мужчина вовсе...

Высоко в темном небе прозвучал тоскливый крик, полный муки. Мурашки прошли по телу, крик не той боли, когда нападает более сильный и рвет твоё тело, явно же там движется нечто такое, что драконов жрет, как мух, а крик некой душевной муки... если зверь может испытывать душевные муки. Хотя почему нет, демократы вот тоже, бывает, что-то испытывают.

Все вокруг костра замерли, я видел бледные лица, обращенные к небу, в глазах страх и та неизбежность, как при виде настигающей грозы или урагана. Крик упал на землю, как будто обрушилось небо, настолько объемный и звучный, словно зев этого существа размахом с ущелье у моего замка Амальфи.

– Кто это? – спросил я. Поправился: – Что это... кричит?

Крик раздался снова, уже заметно отдалившийся, и снова мне почудилось, что в том месте от удара звуковой волны должна прогнуться земная кора. Люди начинали шевелиться, задвигались руки, замелькали ножи, срезая мясо. Граф Эбергард, который явно не одобрял моих манер, но отметивший мой подвиг, ответил вежливо:

– Никто не видел это существо. Даже не знают: птица это, дракон или невероятно крупная летучая мышь...

Сэр Смит хмыкнул:

– Летучая мышь? Такая мышечка может унести башню! Если не весь замок.

– Никто не знает, – повторил граф, игнорируя сэра Смита, как лось игнорирует пробежавшую мимо землеройку, – никто не видел... Более того, увидеть вообще невозможно...

– Как так?

– Звезды, – объяснил граф. – Даже когда летучая мышь или сова промелькнет над головой, она заслоняет звезды, а здесь ни одна даже не мигнет. Маги пробовали смотреть по-своему, но и они узрели только звездное небо. Только двое, великий Гвенелен и не менее могучий Илаульф, клялись, что звезды сдвигались и меняли цвет, словно по небу двигалась исполинская прозрачная глыба льда.

– Вранье, – заметил граф Мемель.

– Может быть, – согласился граф Эбергард, – но нельзя не заметить, что уличали во вранье маги низшего уровня, весьма завистливые и ревнивые, а два весьма разных чародея, Гвенелен и Илаульф, чья мощь неоспорима и которые друг с другом соперничают, увидели почти идентичное...

Он умолк, насторожился, а рука поползла к рукояти меча. Я проследил за его взглядом. Багровый огонь костра отодвинул тьму шагов на десять, а там, за спинами снова развеселившихся рыцарей, мелькнули и пропали красные огоньки, затем появились снова. Я сообразил с холодком в груди, что пламя костра отражается в глазах достаточно крупного зверя, если судить по расстоянию между этими багровыми отблесками в ночи.

Брат Кадфаэль громко и внятно произнес несколько слов на латыни, багровые глаза отступили и пропали. Граф Эбергард заметил холодно:

– Жаль.

– Жаждете сразиться? – спросил я саркастически.

Он ответил, не глядя в мою сторону:

– Я предпочел бы простого зверя, который не исчезает после молитвы священника.

Я смолчал, он прав, любая нечисть куда хуже. Простым оружием не поразить, а серебряные кинжалы и амулеты есть не у всех. Воины привыкли надеяться на себя и свои мечи, а быть под защитой священника не по себе и как-то унижительно для сильных и неробких мужчин.

Некоторые рыцари заснули тут же у костра, другие продолжали неспешные разговоры о вервольфах, темных порождениях мрака. Я сам время от времени поглядывал на звездное небо и отчетливо видел то лунные призраки, то необъяснимое смещение целых звезд, которые после паузы так же разом возвращались на прежние места. Некоторые звезды резко меняли цвет или начинали мигать.

Вроде бы ничего необычного, многие звезды меняют цвет или мигают, но когда вдруг целыми группами становятся зловеще багровыми, наращивают блеск в два-три раза, а потом так же вместе возвращаются к образу холодных серебряных гвоздиков, которыми прибито небо, как искренне верит брат Кадфаэль, то мне очень не по себе, и хотя от костра сухой бодрящий жар, однако страх шевелит волосы на загривке.

Вообще большинство колдовства связано именно с ночью. Разница лишь в том, что на Севере оно почти начисто истреблено церковью, а здесь, где власть церкви слаба, колдовство все мощнее, а порождений мрака больше, они опаснее, встречаются чаще. Что же меня ждет на Юге, где власть церкви уничтожена полностью?

– Монсеньор, – заметил рядом Смит громко, – вам нужно поспать. Все идет хорошо...

– ...только мимо, – согласился я.

Теперь он постоянно обращается ко мне так, чтобы остальные завидовали. «Монсеньор» – обращение к сюзерену. Можно, конечно, добавлять титул, но когда рядом графья, сэр Смит предпочитает не упоминать мой титул виконта, а вот «монсеньор» – звучит, ибо монсеньором может быть и граф, и герцог, и король, и даже император. Ну а я как паладин своим монсеньором считаю только господина Бога.

Смит, выполняя роль заботливого оруженосца, расстелил мое одеяло. Я поблагодарил, с огромным удовольствием лег и почти сразу провалился в глубокий сон, даже Санегерия не появилась, блаженное тепло пошло по всему телу... Я вздрогнул, очнулся так внезапно, словно вынырнул из глубокого обморока. В ночи слышался долгий протяжный крик. Я прислушался, все не мог понять, откуда этот тоскливый и ни на что не похожий вопль, пока не сообразил, что звук плывет среди звезд, словно одна из них издает этот странный полукрик-полускрежет, который не способна издать птица или крылатый дракон.

Рядом задвигался Смит, сказал спросонья хриплым голосом:

– Если заметил наш костер, то все мы покойники.

– Что это? – спросил я шепотом.

– Можете говорить громко, сэра Ричард, – сказал он. – Этот зверь глух как бревно, зато глаза видят в темноте не хуже, чем днем. Хоть костер и прогорел, может увидеть искорку в недрах углей... не знаю, как он это делает, но если углядит, нас ничто не спасет.

Я инстинктивно подтащил к себе меч. Сэр Смит увидел, покачал головой. Я видел серое, словно обсыпанное мукой, лицо, блестящие глаза.

– Не поможет. Говорят, он неуязвим, а еще, гад, и бессмертен!.. Хорошо, что потомства ему Господь не дал, как и Левиафану, а то бы уничтожили все живое на свете...

– А с ним дрались?

– В летописях все записано, ваша милость. Никто не ушел живым, а ему хоть бы что. Ни одной чешуйки не потерял.

Кто-то буркнул за нашими спинами:

– Чешуйки он сам теряет, когда линяет. Счастливцев, который найдет хоть одну, становится богачом. За ними колдуны всех стран охотятся, все секрет вечной молодости стараются вызнать! А короли, понятно, мечтают сделать кольчугу из таких чешуек.

В ночном небе прогремел гром, а следом блеснула короткая белая молния. Почему наоборот, успел подумать я, как снова сверкнула молния, на миг осветила нечто огромное, с косым размахом крыльев. Снова скрип-скрежет, мне почудились в нем тоска и страстное желание отыскать свою пару.

– Но ведь можно отыскать ее пещеру, – предположил я. – Завалить ее камнями!..

– А кто сказал, – возразил рыцарь за спиной, – что она живет в пещере?

– Ну, я полагал... что если дракон... или похожа на дракона...

– Сэр Ричард, это не дракон.

– Ну все равно, спит же она когда-то? Если нельзя убить, то можно набросить сеть. Из стальной проволоки!

Сэр Смит посмотрел на меня внимательно, в глазах появилось уважение.

– Знаете, ваша милость, если бы вы за это взялись, то... кто знает, может, и получилось бы. Остальные же понимают проще: выехать с копьём или мечом и – сразиться!

Брат Кадфаэль на другой стороне повозился, проскрипел сонным голосом:

– Знаете, сэра Смит, кончайте пугать. Этот зверь последний раз нападал на человека лет сто назад.

Сэр Смит хмыкнул:

– Ну и что? Когда придет беда, то овец и рыбы крадут.

– А то, что это все равно, что не нападал. Может быть, ему тогда на лапу наступили.

Послышался могучий вздох, Пес перевернулся на другой бок и сложил лапы на монаха. Мы прислушивались долго, но в ночи затихли даже кузнечики. Веки снова становились все тяжелее, тепло разлилось по всему телу. Перед глазами поплыли видения, так иногда бывает, когда при сильной усталости начинаешь сны видеть раньше, чем отрубиться.

Пахнуло холодом, хотя ночь теплая, ни листок не колыхнется на деревьях. Пора мне уже научиться отличать ощущение холода, возникающее вот в таких случаях, от реального холода. С рукой на рукояти меча я прижался спиной к камню, весь превратился в слух.

Нечто холодное и беспредельно злое приближалось в ночи, я пытался перейти на тепловое зрение, тут же получил шмыгающие под ногами красные комочки, увидел краем глаза пролетевшую мышь, даже смутно различил за большим валуном два крупных тела и одно поменьше, однако ко мне приближается нечто... неживое, видимо.

Мелькнула мысль, что если я видел еще и то, что гораздо холоднее воздуха, скажем, в голубом или синем цвете, то засекал бы опасность издали, но не дал Господь свинье крыльев, чтобы небо не изрыла, чувствую только, как волна холода начинает пронизывать до стука зубов, хотя под ногами по-прежнему спуют мыши и крысы, совершенно не чувствуя похолодания.

Луна за облаками, но и слабого света звезд мне хватило, чтобы рассмотреть непривычно высокую фигуру в рыцарских доспехах, несколько старомодных, даже я понимаю. Сквозь фигуру иногда проступают кусты, звезды. Понятно, призрак, но и они бывают опасными, как рассказывал сэр Смит.

Призрачный рыцарь приблизился, я обнажил меч и выставил перед собой.

– Оставайся там, – велел я, голос мой дрогнул, но, надеюсь, эти потусторонние не слишком чувствительны к обертонам. – Этот меч может поранить даже тебя.

– Мое имя – сэр Дуглас... – донесся бесплотный шепот.

– Прошу прощения, – сказал я с раскаянием, – всему виной моего недостатка учтивости крайняя усталость. Надеюсь, вы извините меня, благородный сэр Дуглас. Славное почтенное имя, давшее многих героев Шотландии, борцов против будущего британского империализма. И потому я не хотел бы, сэр Дуглас...

Он приблизился еще, но остановился за дюйм до острия моего меча. Не думаю, что страшился моего оружия, скорее, чтобы не ставить меня в неловкое положение. Мы, джентльмены, стараемся не задевать достоинства друг друга, даже если мы противники.

– Вернитесь, – сказал он, – сэр Легольс, в Каталаун к расположенному к вам королю Барбароссе. Он найдет вам что-нибудь... а Пуатье вы уже потеряли.

– Ого, – сказал я бодрым голосом, раз уж призрак не сообщает, что я не Легольс, то не такие уж эти призраки и крутые. – А что, там уже на моем престоле засели какие-то монстры?

Он качнул бесплотной головой.

– Нет, но вам туда просто не пройти. Чтобы вас не пропустить, призваны слишком могучие силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.